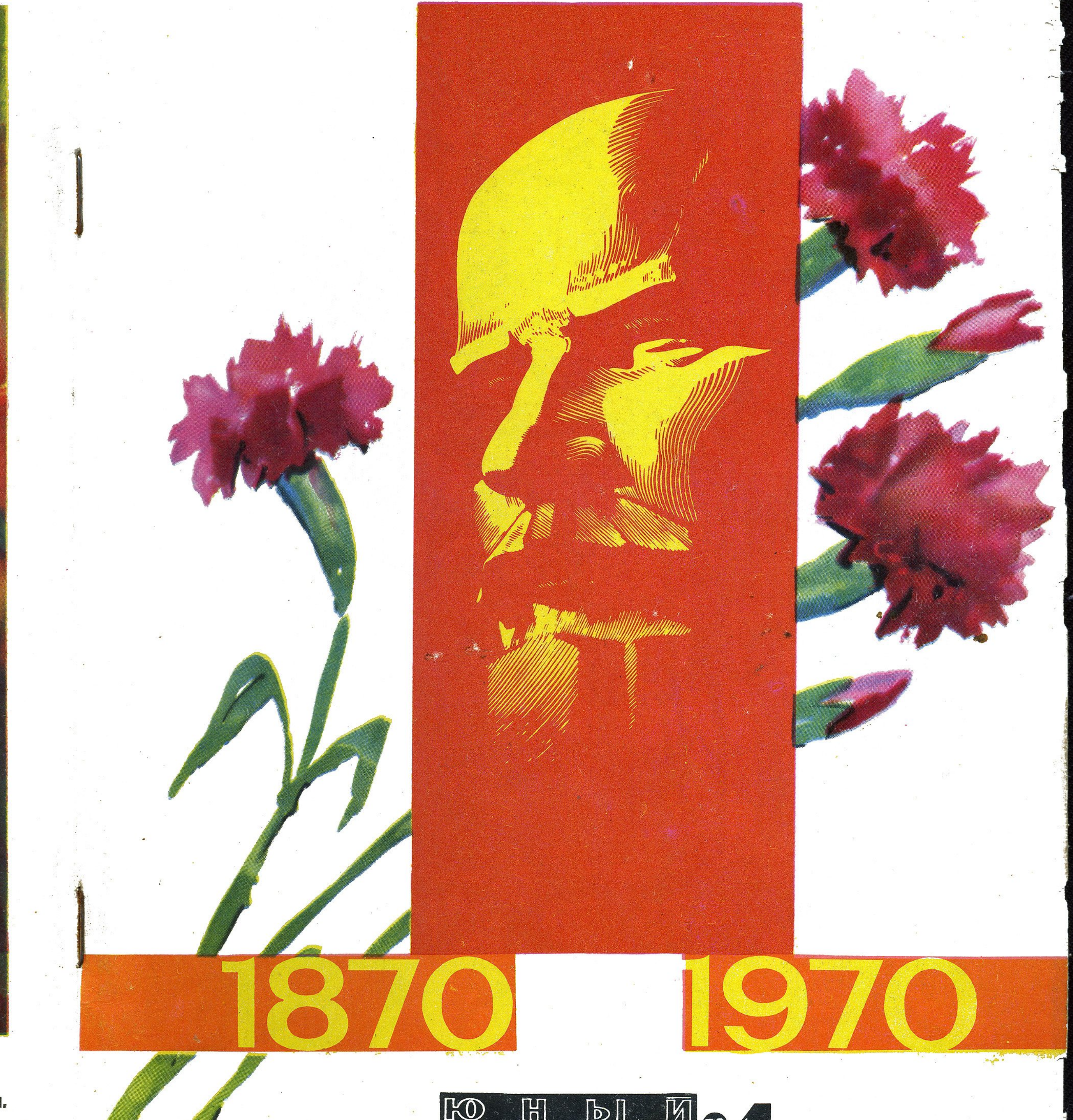
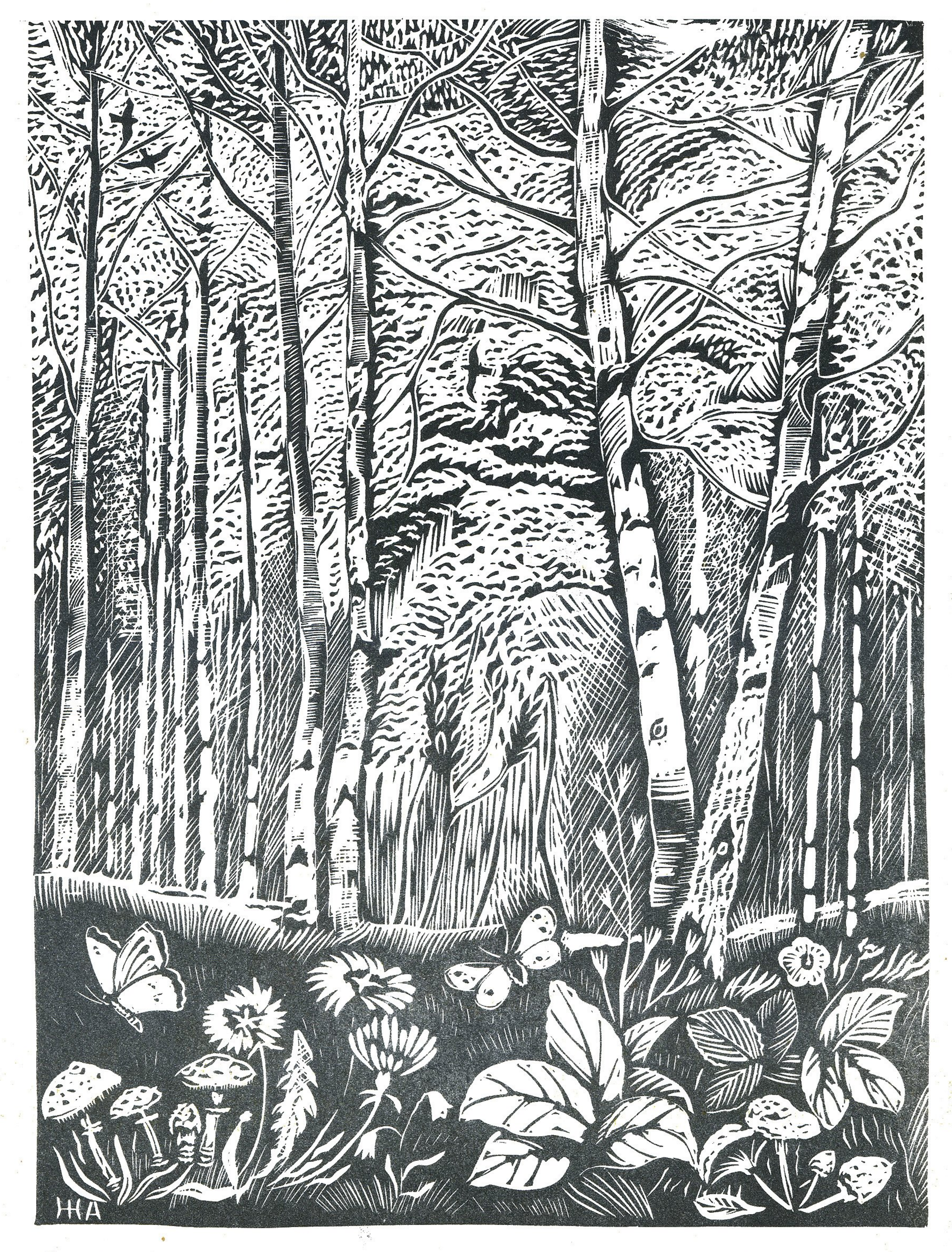
коп.

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 70 4

«Весна» Гравюра А. Жабина

ВЕЛИКИЙ И ПРОСТОЙ

Вот и пришел на землю полномочный посланец весны и солнца — апрель. Расшалились и звенят серебром ручьи, на дымящихся проталинах ведут хороводы голубые подснежники, краснобровые глухари скликают соперников на рыцарские турниры, ломается, ухает лед на реках, и вешние воды бегут и бегут извечным путем к самому синему морю... Весенний праздник половодьем разливается по земле, и враз помолодевшая природа творит самое волнующее таинство — новую жизнь.

Вот и пришел апрель семидесятого, весенний, нарядный, праздничный. Мы долго ждали этот месяц, месяц великого юбилея.

И сегодня хочется оглянуться на прошлое, отодвинуть годы. Сто лет. Это не так уж и много для мировой истории. Видимо, таким же теплым и ласковым был апрель и сто лет назад, так же радовалась природа обновлению, весне, солнцу. И вряд ли кто из жителей Симбирска мог предполагать, что родившемуся в семье Ульяновых мальчику Володе суждено стать великим борцом за дело рабочих и крестьян, основателем славной Коммунистической партии и руководителем первого государства трудящихся.

Мальчик рос, как и все его сверстники; был подвижным и любознательным, любил игры и был горазд на выдумки и ребячьи затеи, но только удивительным прилежанием и особой обстоятельностью отличался его пытливый ум. И глаза Володи Ульянова чуть раньше сверстников разглядели свет и тени тогдашней мерзкой действительности, раньше других начал взрослеть гимназист Ульянов, да и в его жизнь раньше постучалась беда. Царские палачи казнили любимого брата,

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 70 4
Научно-популярный журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

который со всем пылом честной натуры боролся против самодержавия. Тяжелое горе обрушилось на семью, остро переживал Володя смерть Александра. Много передумал в те скорбные дни юный Ульянов. Горе не сломило его, он не растерялся, а нашел в себе мужество и волю. Володя заново все пережил, все передумал, и, наверное, тот тяжелый год стал поворотным в судьбе Ульянова. Он сделал выбор, которому отдал всю свою жизнь, весь ум, весь свой талант революционера.

Ленин... Бесконечно дорогое, удивительно близкое имя. Он вошел в нашу жизнь вместе с первыми словами, он как живой вставал перед нами в рассказах бабушек и дедушек, в волнующих воспоминаниях родителей, он входил в наш ребячий мир со страниц книг, с экранов кинотеатров, учил нас правильно жить, верно служить своему классу, беззаветно любить социалистическую Отчизну. И все сделанное мы равняли по нему, советовались с ним, потому как не было выше совести, чем мысленный разговор с Ильичем. Мы узнали из книг гимназиста Володю: честного, старательного, веселого. Он был образцом для нас и в труде и дружбе.

А взрослея, мы постигали другого Ленина, великого коммуниста и философа, страстного революционера и талантливого организатора, принципиального товарища и отзывчивого друга. И взрослевший наш ум не всегда мог осознать: как же может свершить столько один человек.

Ленин... Основатель партии коммунистов. Сколько же сил, знаний и гениальной прозорливости нужно было иметь, чтобы отмести от революции все случайное, за громкой фразой увидеть пустую суть либеральных говорунов и выковать стальную когорту революционеров-большевиков.

Ленин... Основатель любимой Отчизны, в которой мы живем. Поистине титанический труд лег на плечи первого руководителя Советского государства. Саботаж и разруха, временные попутчики, изнуренные войной миллионные массы народа, империалистическая интервенция, вражеское кольцо блокады и нужда, нужда во всем. В патронах и соли, в лекарствах и хлебе, гвоздях и угле — этот бесконечный список нужды повергал в неуверенность и очень стойких. Какой же убежденностью, какой светлой верой в лучшее завтра, в созидательные силы народа должен был обладать первый Председатель Совета народных комиссаров, чтобы без паники, без кабальных займов начать по кирпичику созидать новую жизнь...

Ленин... Великий полководец. Признанные стратеги и военные специалисты, полководцы и командиры беспрекословно верили в полководческий гений Ильича. Ибо все представления летели прахом: голодная, разутая, ограниченная боеприпасами, пораженная сыпняком, Красная Армия била на всех фронтах сытых, экипированных капиталистов-беляков, и хваленые царские генералы терпели поражение одно за другим.

Наверное, никакие книги, никакие фильмы не могут еще показать все дела, все величие, всю многогранность революционного подвига Ильича. Тысячи документов, сотни воспоминаний говорят о жадном интересе Ленина ко всем сторонам жизни государства рабочих и крестьян. Ильич с одинаковым вниманием решал любые вопросы, большие или малые, вопросы сегодняшнего дня или далекого завтра.

Немало сил, немало заботы приложил Ильич к делу разумного использования и охраны природы. Первым, одним из самых справедливых актов Советского правительства стала отмена частной собственности на землю, недра, леса и воды. Природа стала общенародным богатством, она принадлежит всем, и хозяйское, рачительное отношение к ней стало главным направлением в деятельности всех учреждений. Революция передала землю новому хозяину — советскому крестьянину, который знал, что полученное надо беречь. Но было и другое богатство — лес, его тоже нужно было оградить от расхищения и наладить разумное лесное хозяйство.

В апреле 1918 года Ленин подписывает документ: отныне запрещается увольнять лесных специалистов, и это исключительное право дано только Центральному лесному управлению. Документ четко сформулировал принцип: все леса не составляют собственности сел, уездов, губерний, областей, они — общенародный фонд.

А через месяц В. И. Ленин и Я. М. Свердлов подписывают «Основной закон о лесах». Кроме промышленного значения, лес — это защитник почв и рек, велика его роль в борьбе против песков и оврагов, неоценимо значение в эстетическом отношении.

Владимир Ильич придавал огромное значение восстановлению лесного хозяйства страны. Как только был освобожден советский Крым, был принят декрет об охране горных лесов полуострова. Воспрещалось не только раскорчевывать леса, расположенные на склонах гор, но и предписывалось заново засадить оголенные участки, восстановить деляны на прежних местах. Сурово наказывал Ленин людей бесхозяйственных, был беспощаден к расхитителям и браконьерам.

Советской власти от царского правительства досталось тяжелое наследство: природа расхищалась бесконтрольно, были практически уничтожены редкие и ценные звери, во многих местах сведены на нет леса, парки, рощи. В самый разгар гражданской войны, в апреле 1919 года, Ленин принял делегата Астраханского губисполкома и одобрил мысль о создании в дельте Волги заповедника, сказав, что считает дело охраны природы важным и срочным делом республики; 31 января 1921 года был принят подписанный Лениным декрет о байкальских заповедниках.

Трудно перечислить все декреты и постановления об охране природы, к разработке которых не прикоснулась бы заботливая рука Ильича. Он смотрел вперед и верил, что заложенное им в тяжелые годы будет развито и преумножено нами.

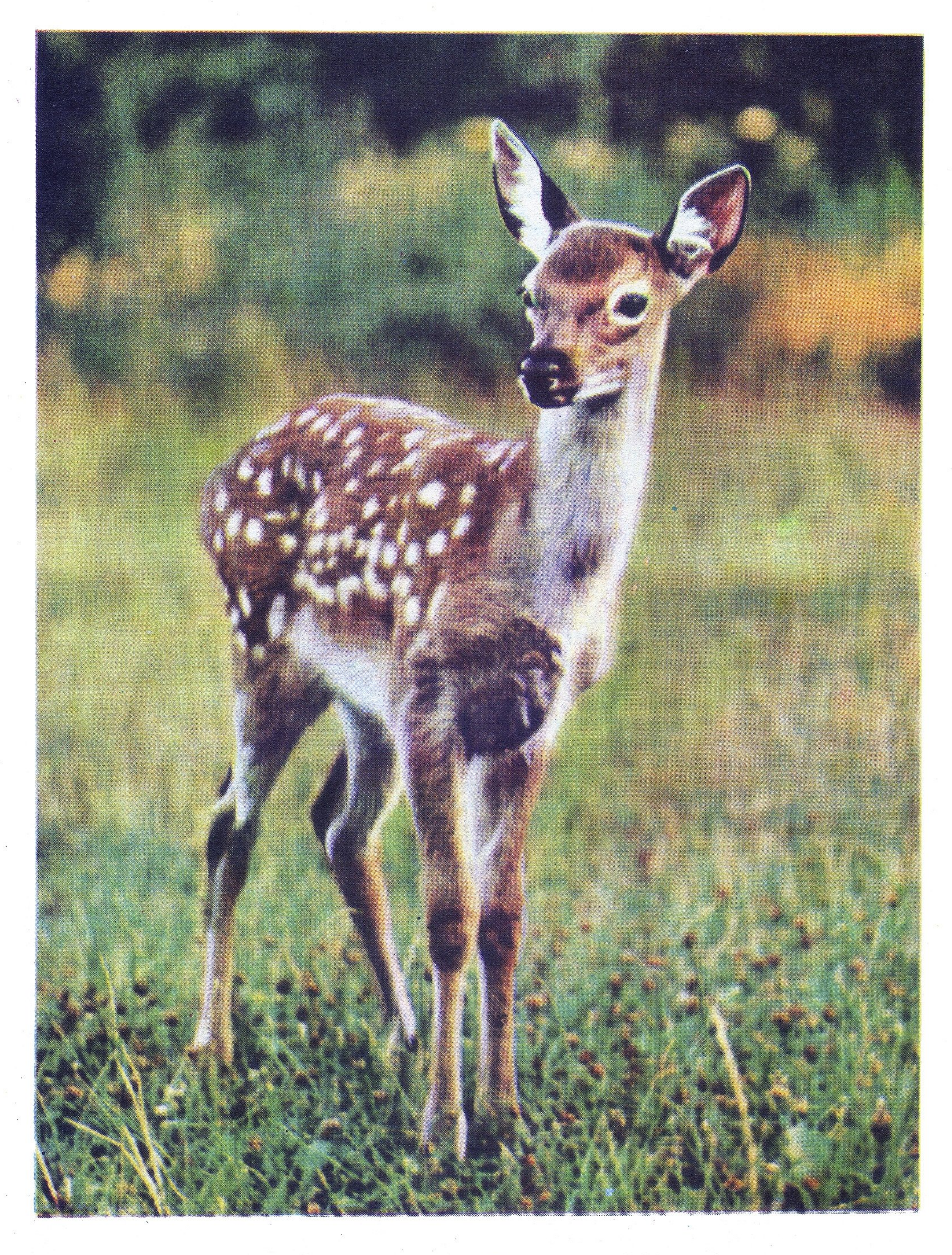
Сегодня мы с гордостью говорим — наше родное государство помнит заветы Ильича и бережно охраняет природу. Советский Союз — блестящий пример для всех в деле охраны флоры и фауны. К 20-м годам нашего столетия степной красавец сайгак был на грани вымирания, к концу 50-х годов его поголовье исчислялось тремя миллионами. А увеличение численности бобров, соболей, лосей, расселение их в новые районы страны, расширение географии разных видов животных — разве это не говорит о претворении в жизнь ленинских заветов?

Но кому многое дано, с того и спрашивается строже. Иногда забота об охране природы начинает казаться излишней, становится привычной мысль, что природу надо прежде всего не охранять, а переделывать. Богатство, данное нам, не вечно, и его нужно каждодневно восполнять.

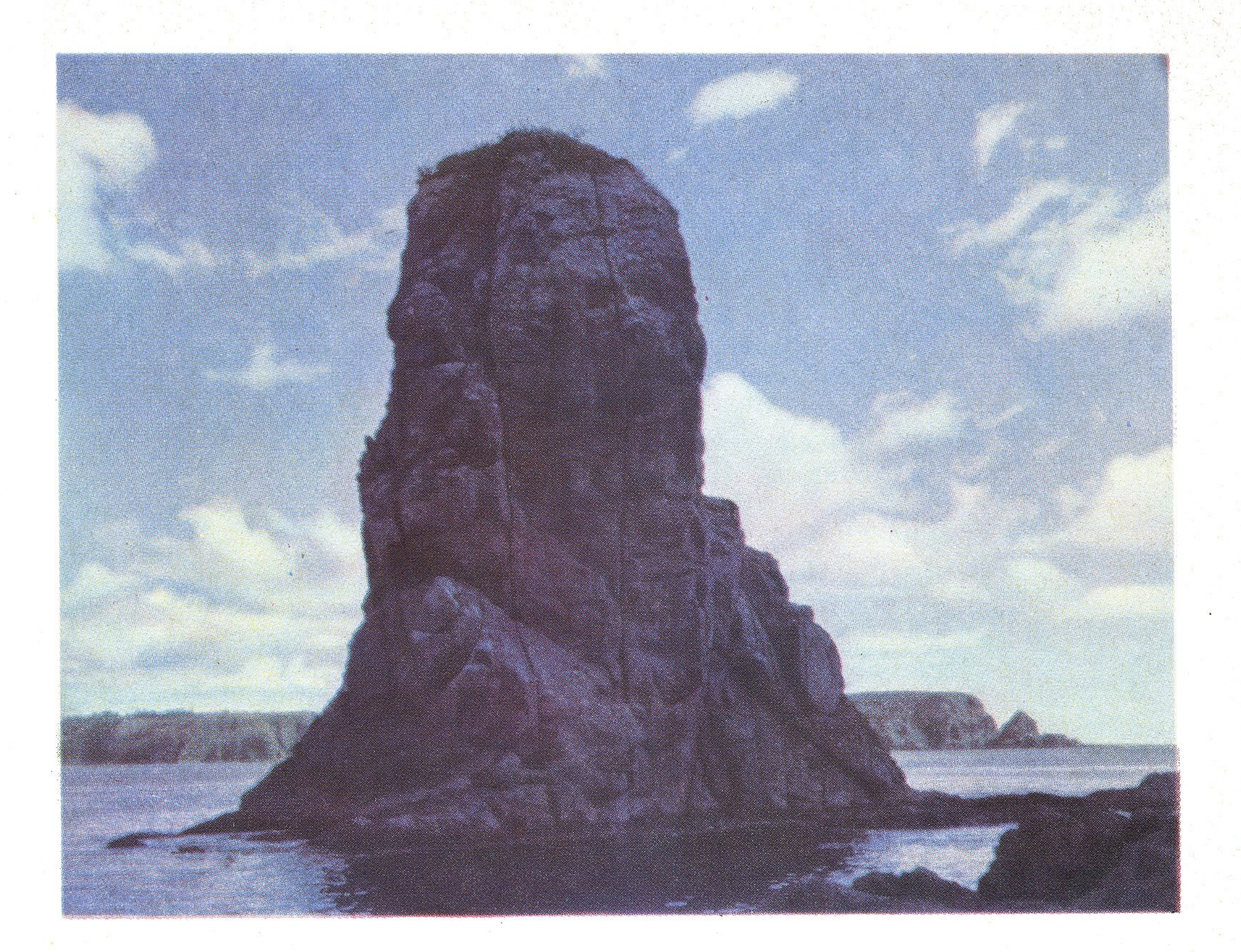
И еще в большом долгу юннаты. Надо, чтобы было нас десятки миллионов. Никакой снисходительности к расхитителям и безответственным людям. Украсим Родину лесами и цветами, будем заботливыми хозяевами прекрасной земли и своим трудом сделаем ее еще краше. Ведь о чудесном облике нашей страны мечтал Ильич.

Растекается солнечный апрель по земле. Ликует природа, хорошеет с каждым днем. Большой праздник пришел к человечеству. Мы празднуем столетний юбилей любимого Ильича, человека великого и простого, самого человечного из людей, прошедших по земле.

Бьется о скалы свинцовая волна. В рокоте откатывается назад, чтобы с новой яростной силой обрушиться на берег. Суровый, неистовый! Таким чаще всего бывает Тихий океан. Но иногда уляжется он, притихнет. И далеко до горизонта протянутся по темной лазури солнечные блики.

Край земли советской! Здесь встает солнце и начинает свой путь по

нашей стране. Долго еще плыть ему над легендарной дальневосточной землей. Над краем воплощенной ленинской мечты.

Комсомольск! С этим городом связаны героические страницы преобразования глухих таежных мест. И с тех далеких пор, когда юные ленинцы возводили на берегу Амура корпуса заводов и жилые дома, прокладывали первые улицы и переулки, не смолкают над тайгой и тундрой деловитые звуки стройки. Комсомольск в свои 38 лет стал ветераном. Растут младшие братья прославленного города — Амурск и Солнечный. Их построило новое поколение юных ленинцев, принявшее трудовую эстафету от своих старших братьев.

Да, неузнаваемо изменили Дальний Восток советские люди. И только в заповедниках, в этих нетронутых местах первозданной тайги, не услышишь ни дробного перестука отбойных молотков, ни мирных созидательных взрывов, ни басистого рокота тяжелых самосвалов.

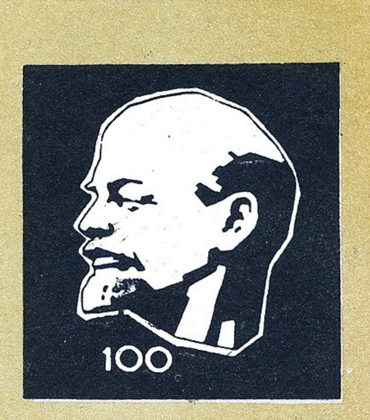
Самый крупный на Дальнем Востоке заповедник — Сихотэ-Алинский. Раскинулся он в тех местах, где когда-то пролегли тропы знаменитого следопыта В. Арсеньева. Бережно охраняют ученые животный мир тайги, повышают численность редких когда-то зверей и птиц. И теперь часто отправляются на запад в зоопарки и заповедники страны старожилы этих краев: уссурийские тигры, маралы, благородные олени. Им предстоит обживать новые, незнакомые места.

Фото Р. Воронова

Недавно Москва принимала участников Всероссийского слета членов ученических производственных бригад и школьных лесничеств. Много интересного услышали на слете ребята. Это и понятно. Ведь он подвел итоги плодотворной работы юных натуралистов России по подготовке к знаменательному юбилею — 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Ученическая производственная бригада — хорошая школа для юных. 2 миллиона ребят, прошедших эту школу, успешно трудятся сейчас на полях колхозов и совхозов страны.

●

Школьники Калмыкии успешно помогают взрослым на пастбищах. Так, например, юные чабаны школы в поселке Советском вырастили 5834 ягненка.

ВСТАНЕТ ЛЕС НА КОЛЫМЕ

У нас на Колыме суровые зимы. Трудно приходится молодым деревцам — не все доживают до весны. Сосна у нас не растет. Два года берегли мы ее нежные саженцы, но в прошлую зиму завернули такие морозы, что все деревья погибли. Мы не опустили руки. Посадили 10 гектаров лиственницы даурской и 12 гектаров кедрового стланика. Эти растения привычные к холоду, им никакой мороз не страшен.

В нашем питомнике подрастают яблоньки и ели. Они тоже новоселы. Мы хотим вырастить новые леса. Заготавливаем семена. В прошлом году, например, собрали два килограмма семян даурской лиственницы. Небольшой получился мешочек семян, но ценный. Из этих семян можно вырастить лес на 250 гектарах.

Усть-Омчугское школьное лесничество Магаданской области — **Бигузите Иновайте**

ЗЕЛЕНОЕ КОЛЬЦО

Где-то за нашим поселком начинается степь. Безбрежная, ровная, с редкими куртинками дубрав. Мы живем на границе лесостепной зоны, хорошо знаем цену каждому деревцу, каждому островку зеленых посадок.

Сейчас мы готовимся к встрече 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Точнее сказать, заканчиваем подготовку. Два года назад ребята решили в подарок знаменательному юбилею создать зеленое кольцо молодых посадок вокруг поселка и села Липское. Теперь работа заканчивается. Зеленое кольцо площадью 150 гектаров опоясало родные нам места.

Чтобы вырастить столько деревьев, нужно много семян. Каждый год заготавливают их юные лесничие. Только в прошлом году собрали мы 150 килограммов семян остролистного клена и 1,5 тонны шишек-семянок. А это значит, что наше зеленое кольцо будет шириться и расти.

Базарно-Карбулакское лесничество Саратовской области — **Коля Левин**

ГДЕ ЗИМУЮТ ГЛУХАРИ?

Точно подсчитано, что в нашей области 15 миллионов гектаров леса. Это настоящее зеленое море. Все у нас любят лес и заботятся о пернатых и четвероногих его обитателях. Прошлой весной под руководством егеря П. И. Татаурова мы провели учет боровой дичи. Сколько ценных птиц водится в окрестных лесах? Мы обследовали 23 тысячи гектаров. И вот что установили: один глухарь приходится на 150 гектаров леса, один тетерев — на 250, а один рябчик — на 30 гектаров.

Зимой по белой тропе мы снова вышли в лес. Изучали следы. Оказалось, у нас обитают лоси, зайцы, куницы, горностаи. Много водится и лисиц. Мы помогаем лесным обитателям. Для лосей устроили два солонца, для зайцев открыли две столовые.

Есть у наших ребят задумка. Хотим организовать школьное промыслово-охотничье хозяйство.

Ушбинское школьное лесничество Свердловской области — **Оля Притчина**

РАСТИ БЫСТРЕЙ, СОСНА!

Когда нам предложили заложить опыт с сеянцами сосны, ребята обрадовались. Еще бы, такой опыт в нашем лесхозе проводился впервые! Сначала казалось все просто. Берешь ведро. Насыпаешь в него землю, льешь воду, чтобы получилась почвенная болтушка, растворяешь таблетки препарата роста — гетероауксина. А потом на час сажаешь в ведро сеянец сосны. После такой обработки деревца готовы к посадке. Просто кажется. Да не совсем. Мучило сомнение: а вдруг что не так. Опыт нам удался. За лето обработанные гетероауксином сосны выросли на 23 сантиметра. А обычные только на восемнадцать.

В нашем школьном лесничестве много молодых посадок. Только в прошлом году посадили мы 40 гектаров хвойных деревьев. А в родном селе к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина разбили мы парк. 9 тысяч маленьких березок, елей и лиственниц подрастают в нем.

пос. Нововасильевка Башкирской АССР — **Зураф Хуснутдинов**

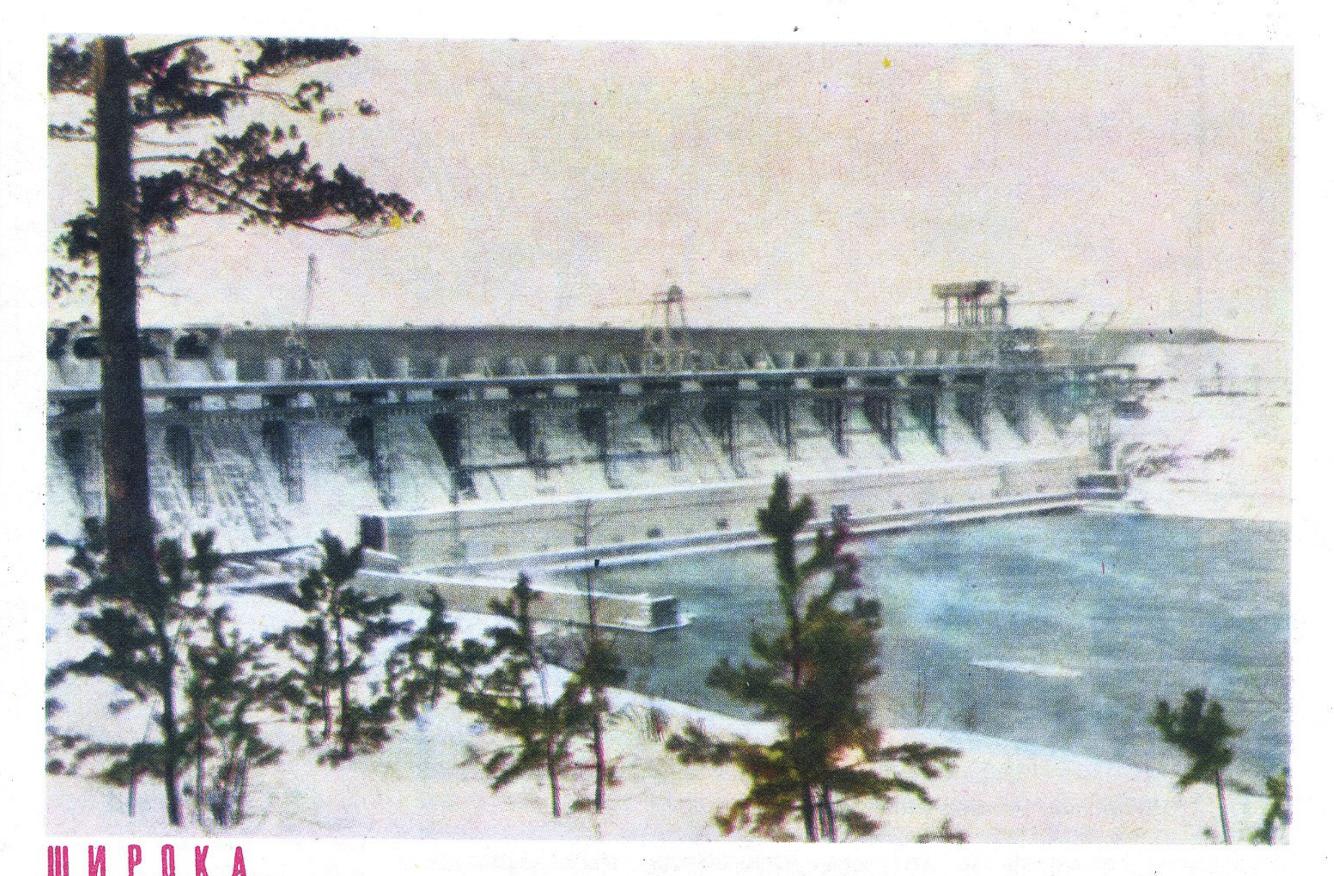
44,1 центнера с гектара — внушительная цифра! Такой урожай яровой пшеницы Лютценс-62 собрали в прошлом году юные полеводы Перевозской школы Горьковской области.

●

Интересные цифры приводились на слете. Вот некоторые из них.

На Кубани и Ставрополье каждый третий механизатор в прошлом работал в ученической производственной бригаде. А в Оренбургской области — каждый второй.

ШИРОКА СТРАНА МОЯ

ГЛАВНАЯ РЕКА СИБИРИ

Могучи и полноводны реки Сибири. Трудно определить, какая из них первая. Но многие крутят генераторы электростанций, где рождаются невидимые ручейки и речки. Соединившись, они несут над необъятными сибирскими просторами главную реку в металлических берегах. Электрическую реку Сибири.

...В этих старых на вид домах пахнет свежей сосновой щепой, алебастром и клеем. На улице сырой весенний ветер с Енисея покачивает вершины еще не распустившихся тополей, надсадно гудит в деревянной башне острога.

Приземистые пятистенки кулацких хором, наспех крытые соломой бедняцкие избы, черные амбары и тонкие черточки колодезных журавлей — таков этот поселок, в котором совсем недавно стихла деловитая скороговорка плотницких топоров. Да, таким было сибирское село Шушенское, когда 8 мая 1897 года запряженная парой лошадей телега остановилась у дома Зырянова и хозяин торопливо выбежал на крыльцо встречать политического ссыльного Владимира Ульянова.

Нет, не знал тогда хозяин, что его постоялец, убежденный противник престола, станет человеком, имя которого с благодарностью будут повторять простые люди всей Земли, под непосредственным руководством которого рабочий класс России напишет самые светлые страницы своей истории.

Время рассудило именно так. И сегодня Шушенское дорого нам, как многие города и поселки, связанные с именем родного Ильича.

Из дворика дома-музея видна разлившаяся река. Деревянный мост перекинут на остров, где в высоких кронах парковых лип и ветел суматошное веселье птиц. Шумит вода, слизывая с крутого прибрежного обрыва последние лоскуты снега.

Кажется, не в первый раз перешагиваешь порог этого дома — настолько все близко и знакомо по книгам, открыткам и картинам. Но такова уж особенность всех ленинских мест — с рождения накрепко входят они в душу каждого советского человека.

Чуткая тишина невысоких комнат. Старинные газеты совсем-совсем рядом. Их читал Ленин. Шкаф с книгами. Простенькое бюро, за которым созданы многие ленинские работы.

Именно здесь, в Шушенском, Владимир Ильич написал пророческие слова: «...начинается применение электричества, которому, — как указывают специалисты, — суждено сыграть еще более крупную роль... чем пару».

А за окнами дома так же, как в те далекие времена, шумит и шумит река.

История часто соединяет несоединимое. Так породнила она могучий Енисей с маленькой подмосковной речкой Ламой.

Чтобы попасть сюда, нужно пройти старым тенистым парком. Дорога, обычная парковая дорога, приводит к скромной речной изгороди из тесаных досок. Плотина. Для нас, людей, привыкших к бетонным преградам на пути могучих рек, слово это невольно вызывет здесь улыбку. Так мала деревянная плотина, перегородившая Ламу. Но в незатейливом переплетении подпорок и свай, в неторопливом шуме перекатной воды оживает история.

Не надо обладать большим воображением, чтобы ясно представить, как дорого было Ильичу это крохотное деревянное сооружение.

То было грозное время гражданской войны и разрухи. Зимними волоколамскими верстами ехали к кашинским крестьянам В. И. Ленин и Н. К. Крупская. На пути их лежали голодные села с темными окнами

изб. Так же угрюмо выглядело небольшое Кашино, где впервые должна была вспыхнуть «лампочка Ильича».

Впоследствии В. И. Ленин скажет на VIII Всероссийском съезде Советов:

«Мне пришлось не очень давно быть на одном крестьянском празднике в отдаленной местности Московской губернии, в Волоколамском уезде, где у крестьян имеется электрическое освещение. На улице был устроен митинг, и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны и вот теперь у нас появился свет, «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не удивился этим словам. Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет «неестественный», но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов...»

Из Кашина Владимир Ильич поехал тогда в Ярополец. Выступал на митинге, обещал крестьянам помощь в строительстве гидростанции на Ламе. И в 1921 году встала на реке деревянная плотина. Пророческие слова, написанные в далеком Шушенском, начали приобретать зримые, реальные черты.

Нежарко весеннее сибирское солнце. Желтое блюдце его прокатилось по излому заснеженных Саян у горизонта, поднялось в зенит — и зазвучали, запели апрельские ручьи. Над Енисеем задрожала струящаяся дымка испарины, заиграли яркими бликами окна домов нового Шушенского. А солнце покатилось дальше, туда, где на великих реках рождаются огромные солнца «неестественного» света, ставшего привычным, необходимым для бескрайних просторов разбуженной Сибири.

С цифрами спорить бесполезно. Они убедительно говорят за себя. Цифры — это мощности сибирских гидростанций. Внушительных, в определении которых всегда присутствуют эпитеты в превосходной степени: «крупнейшие в мире». 4,5 миллиона киловатт — Братская, 6 — Красноярская.

Говорят, на Братскую ГЭС лучше всего приезжать зимой, когда в белом кружеве инея, в рваных облаках речной испарины, в неистовой круговерти воды внизу плотина ее кажется невесомой, словно застывшей в воздухе.

Но и весной, в половодье, давимая вешней ангарской водой, она так же легка и ажурна. С левого берега противоположные домики выглядят маленькими. А выйдешь на мост и невольно ахнешь от захватывающей дух высоты. Трудно поверить, что в тело этой изящной, будто алюминиевой, арки вложена многомиллионная тяжесть бетонных тонн. Сказка! Сказка эта живет и в рабочих залах станции. Поражает сосредоточенная тишина центрального пульта. Чистота и аккуратность, словно в больнице. «Главный доктор» электростанции, человек в белом халате, напряженно всматривается в зеленые глазки приборов. Один он спокойно управляется с таким гигантом. Но вот рабочее сердце станции. Наваливается, ошеломляет оглушительный грохот. В который раз подивишься силе матушки Ангары. Каково-то ей вращать гигантские махины роторов?

Может быть, здесь исток великой сибирской реки? Или в Усть-Илиме? Саяно-Шушенском?

Невольно вернулись мы к дорогому сердцу месту. Здесь, в Сибири, мечтал Ильич о России электрифицированной, здесь оживает его великая мечта.

Разве не прав был тот человек, кто назвал новый город таким светлым именем — Дивногорск? Дивный город этот с приморскими улицами-террасами, с каменными лестницами, с соснами вместо кипарисов открывается сверху, с подъезда. А когда-то здесь, на берегу Енисея, сиротливо прятался Старый Скит. Теперь от него осталось несколько деревянных строений, своеобразный музей — напоминание о канувших в Лету временах.

Красочен Дивногорск, но самое большое диво — плотина Красноярской ГЭС. До сих пор спорят и будут спорить, какая плотина красивее — в Братске или здесь. Разрешить этот спор невозможно.

Красноярская ГЭС. Что-то мужественное и по-сибирски крепкое ощущается в ней. Может, от суровых скал, в которые впечатана высокая громада плотины, может, от самой плотины, отвесно и гордо вставшей наперекор неукротимому Енисею.

Диво! Это слово часто приходится произносить в Сибири. И каждый раз хочется мысленно представить тот день, 30 апреля 1897 года, когда двухтрубный пароходик «Святой Николай» остановился неподалеку от Старого Скита. О чем думал тогда политический ссыльный Владимир Ульянов? Наверняка в те времена, такие далекие и недалекие, он видел разбуженную Сибирь, ставшую энергетической кормилицей обновленной России.

Могучи и полноводны реки в этом краю. Трудно определить, какая из них первая. Многие уже крутят генераторы электростанций, где рождаются невидимые ручейки и речки. Соединившись, они несут над необъятными сибирскими просторами главную реку в металлических берегах — электрическую реку Сибири. И год от года ей шириться и расти!

В. АЛЕКСЕЕВ

В ТОТ ДЕКАБРЬСКИЙ

ВЕЧЕР

(Из блокнота журналиста)

В Лейпциг, этот старинный немецкий город, мы приехали к вечеру. Но на улицах было полно народу и царило необычное оживление: повсюду сверкали огни иллюминации, люди несли свертки с подарками и игрушками, громко раздавались голоса продавцов лотерейных билетов... Город жил приближающимся Новым годом. Разноцветные рекламы, улыбающиеся деды-морозы, сверкающие огнями елки отсчитывали последние дни уходящего года. И хотя на улице было довольно прохладно, а с неба валило нечто непонятное — не похожее ни на дождь, ни на снег, — мне не терпелось побродить по городу-незнакомцу, посмотреть строгие готические шпили, старинные памятники.

У города, как у человека, своя судьба, своя жизнь. И в этой жизни бывают такие события, которые, словно вехи, определяют день вчерашний, навечно входят в историю города, страны, а порой всего человечества.

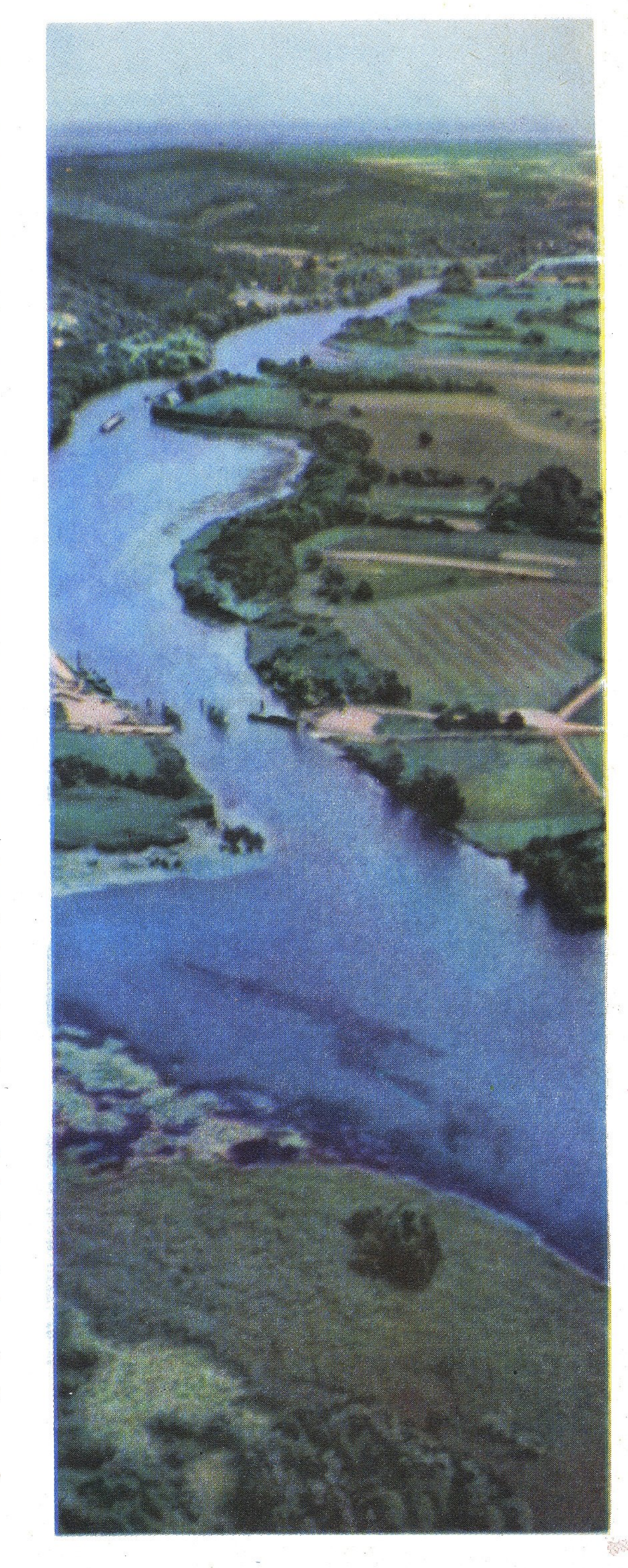
Когда-то, еще в XIII веке, славился Лейпциг своими ярмарками. С тех давних пор два раза в год из разных стран съезжаются сюда деловые люди. Эмблема Лейпцигской ярмарки смотрела на нас со всех сторон, как бы напоминая старую и добрую традицию. Мы долго стояли у памятника «Битва народов». Здесь, под Лейпцигом, был окончательно разбит Наполеон. И это помнит история. Через сто двадцать лет после этого о Лейпциге снова заговорил мир. Громогласно и призывно: в мрачном здании имперского суда вершилась расправа над коммунистом Георгием Димитровым. Первый открытый бой с фашизмом начался здесь, в центре Лейпцига. Давно нет на свете тех, кто судил отважного сына болгарского народа, а его живой голос до сих пор звучит над планетой.

Незаметно мы подошли к городской ратуше, на башне которой еще издалека были видны часы с огромным циферблатом и стрелками. Сноп электрического света выхватывал их из темноты ночного неба. Стрелки показывали одиннадцать.

Мой попутчик Клаус Плобнер, хорошо владеющий русским языком, вдруг неожиданно спросил:

— Какое сегодня число?

— Двадцать четвертое декабря, — машинально ответил я.

— Удивительное совпадение... — проговорил он в ответ. — Может быть, накануне, почти семьдесят лет назад, вот отсюда на эти часы смотрел Ленин... И обязательно улыбался! Да, да, человек, проведший десятки бессонных ночей, проехавший ради своей мечты путь от Шушенского до Мюнхена и Лейпцига, не мог не улыбаться в тот вечер. — Клаус говорил увлеченно и горячо. — Представь: вечер, усталый Ильич делает последние сокращения в статье, на шрифт накатывается типографская краска, и вот первый оттиск новой газеты на тонкой папиросной бумаге готов. А через некоторое время в разных уголках России прочтут одно броское, как удар первого весеннего грома, слово — «Искра», а справа — «Из искры возгорится пламя!».

Клаус умолк. Мы еще долго стояли около ратуши, не замечая той сырости, которая падала на нас с темного декабрьского неба. Если бы можно было остановить время, если бы можно было вернуться в Лейпциг 1900 года! И если не здесь, у ратуши, то на Руссенштрассе, 48, где находилась типография, мы бы услышали торопливые шаги Ильича, его голос, увидели бы свет лампы, подвешенной над наборной кассой.

У города, как у человека, разная судьба, разная жизнь. Но в эту минуту мне почему-то подумалось: Лейпцигу сама история подарила эту дату, 24 декабря, когда вышел первый номер ленинской «Искры» — ласточки революции. Еще долог был путь до Смольного, еще впереди — тяжелые годы эмиграции, борьбы, преследований, но тонкий газетный листок «Искры» уже предвещал революционные бури и грозы, грядущие победы. Так думал Ленин. Так навечно записано в летописи человечества.

На следующее утро мы отправились на Руссенштрассе, 48. Одноэтажное здание с тремя окнами, окруженное небольшим садиком, ничем не приметное. Но именно такая типография-малютка и была нужна для издания нелегальной газеты. Немецкая полиция так и не могла догадаться, что в Германии, у нее под носом, издается «Искра» и тайными путями: морем — в резиновых мешках, поездом — в чемоданах с двойным дном, по почте — в бандеролях и книгах — доставляется в Россию. И вот уже с Родины в «Искру», к Ленину, идут письма рабочих. Вот одно из них, которое можно прочитать в седьмом номере газеты.

«Я многим товарищам показывал «Искру», и весь номер растрепался, а он дорог... Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь, когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих, и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они и правда страшны царю, и хозяевам, и всем, а не только хозяйским карманам. Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет снизу, нужна только искра, и будет пожар!»

И эта искра вспыхнула в сырую декабрьскую ночь на обыкновенном печатном станке, который сейчас выглядит доисторическим экспонатом. Вот здесь, у стены, складывались первые сотни экземпляров первого номера «Искры», который от первой строки до последней читал сам Владимир Ильич.

Экскурсовод музея, рассказав о событиях тех лет, закончил так:

— Ленин провел в Лейпциге в то время десять дней. Никто тогда не мог предположить, что эти десять дней приведут к тем десяти октябрьским, которые потрясут мир.

В Лейпциге Ленин провел титаническую работу. Трудно поверить, как все это мог сделать всего один человек...

Мы уезжали из Лейпцига. И снова лил дождь. Промелькнула башня городской ратуши с часами. Огромные стрелки продолжали отсчитывать время. Я вспомнил предположение Клауса. Может быть, оно и верное. Впрочем, зачем предполагать. После приезда из Лейпцига Владимир Ильич написал письмо своей матери Марии Александровне Ульяновой. Не мог он, конечно, поделиться с самым близким человеком своей огромной радостью: полиция держала под строгим контролем переписку Ульяновых. И тогда на бумагу легли простые слова:

«...Здесь уже рождество — всюду елки, на улицах эти дни было необычное оживление. Я ездил на днях в Вену и с удовольствием прокатился после нескольких недель сидения. Но только неприятная зима — без снега. В сущности даже и зимы-то никакой нет, а так какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит. Хорошо, что не холодно, и я вполне обхожусь без зимнего пальто, но неприятно как-то без снега. Надоедает слякоть, и с удовольствием вспоминаешь о настоящей русской зиме, о санном пути, о морозном чистом воздухе. Я провожу первую зиму за границей, первую совсем не похожую на зиму зиму и не могу сказать, чтобы очень доволен был, хотя иногда перепадают великолепные деньки вроде тех, что бывают у нас хорошей поздней осенью».

Сомнений быть не может: в тот декабрьский вечер в далеком Лейпциге Ильич думал о России.

С. ФУРИН

Лейпциг — Москва

Встаю до рассвета

Встаю до рассвета.
Иду через поле,
А небо над полем
Большое-большое!
Иду по оврагу
В пахучем тумане,
А стежка все вьется,
А стежка все манит
В ольховник,
В осинник,
В бессмертный брусничник...
Мне все тут знакомо,
Но все необычно.
А ветер польется
По зарослям росным —
Качнут головами
Тяжелые сосны,
Ударятся шишки —
Разбудят синицу.
И солнце засветит
Зарю-зарянницу.

Валентин ЕРМАКОВ

✻ АТОМНОЕ ПОЛЕ ✻

В эксперименте принимали участие ученые 22 стран. Его было решено провести на генеральной конференции Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), которое объединяет 102 государства.

Ученые получили по два пакета с итальянской пшеницей. В одном — обычные семена, во втором — облученные, которые, прежде чем отправиться по различным странам, побывали в атомном реакторе.

Через четыре года ученые встретились вновь. Все они пришли к выводу: «атомная» пшеница более устойчива к ветрам и болезням, и урожай у нее выше.

Радиационная селекция родилась сорок лет назад, задолго до многочисленных открытий в физике. Советские ученые А. А. Сапегин и Л. Н. Делоне первыми в мире поставили опыты по переделке растений с помощью ионизирующих излучений. Но работам двух советских исследователей не суждено было получить широкого распространения, так как о радиации известно было мало, и никто из физиков и биологов не мог сказать, как именно воздействуют ионизирующие излучения на живую клетку.

Работы физиков-атомников позволили установить «портреты» каждой частицы, из которых слагается поток ионизирующих излучений. Если поиски А. А. Сапегина и Л. Н. Делоне шли наугад, интуитивно, то теперь у генетиков появилась четкая программа действий. Они начали учиться «конструировать» растения.

Что же происходит в клетке, когда на нее обрушивается поток радиации?

Клетка — своеобразное государство. Ядро — его «столица», а цитоплазма — «провинция». В воде, которая составляет большую часть цитоплазмы, «живут» самые разнообразные «города», большие и маленькие. Здесь находится множество всевозможных «фабрик» и «заводов», и от того, как они работают, зависит судьба клетки. Центр, который руководит деятельностью всех этих «заводов» и «фабрик», — ядро. Именно в нем сосредоточены главные биологические структуры.

Раньше ученые считали, что под действием ионизирующих частиц изменяется только само ядро, а точнее хромосомы, в которых сосредоточены элементарные частицы наследственности — гены. Частица врывается в ядро и вызывает в молекуле хромосомы какие-то разрушения.

Вполне естественно, катастрофическое повреждение хромосомы ни к чему хорошему не приводит — клетка медленно погибает. Именно поэтому долгое время считалось, что радиация способна лишь вредить клетке, а пользы принести не может.

Однако когда ученые смогли заглянуть в клетку и проследить, какие процессы происходят в ней при облучении небольшими дозами, их глазам предстала любопытная картина. Прежде чем попасть в ядро, ионизирующая частица проходит по цитоплазме. И точно так же, как самолет, летящий на большой высоте, оставляет после себя инверсионный свет, так и частица, действуя на различные «фабрики» и «заводы», оставляет

след в цитоплазме. Скорость частицы снижается, и она приходит к ядру «ослабевшей». Такая частица уже не может вызвать катастрофических разрушений, она лишь слегка воздействует на хромосомы и на гены. Причем это влияние может быть различным: и хорошим и плохим. В определенных условиях ионизирующие частицы вызывают благоприятные для растения изменения. Клетка становится более устойчивой, менее подвергается различным заболеваниям.

Безусловно, нарисованная картина довольно примитивна. В клетке происходят сложнейшие процессы, они затрагивают и ядро и цитоплазму. К сожалению, не все из них пока изучены, но уже отчетливо ясно, что при определенном уровне облучения у растений можно вызывать полезные для человека изменения.

Необычайно трудно было установить границу, перейдя которую ионизирующие излучения становятся вредными. Научные сотрудники лаборатории радиационной генетики Института биофизики Академии наук СССР много лет определяли «порог радиационной чувствительности» различных растений. Они исследовали более 150 культур. Оказалось, что, например, для тюльпана доза облучения не должна превышать 600 рентген, а виноград не боится и 7 тысяч!

Ученые составили таблицу, по которой легко установить для любой сельскохозяйственной культуры безопасные дозы облучения.

В прошлом году на конференции в Вене зарубежные ученые сообщили, что с помощью облучения семян удалось вывести новые сорта риса, период созревания которых на 60 дней короче, чем у обычных сортов, а содержание белка вдвое выше. Это блестящий успех радиационной генетики.

Славу Свалефской станции (Швеция) принесла радиационная пшеница. У этого сорта более прочная солома, а значит, она не полегает даже при самых неблагоприятных условиях. Да и урожайность ее выше.

В нашей стране работы по получению новых сортов с помощью методов радиационной селекции ведутся во многих лабораториях. Во главе их стоят два прославленных научных центра — Институт цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР и Институт общей генетики АН СССР.

Советские исследователи получили много перспективных форм озимой и яровой пшеницы, гороха, фасоли, сои, люпина, картофеля, томатов, хлопчатника. Некоторые из этих сортов уже прошли испытания и сейчас выращиваются на колхозных и совхозных полях. Другие в ближайшие годы покинут стены лабораторий ученых.

Научный сотрудник Института общей генетики В. С. Можаева получила мутант пшеницы Эректоид-72. В первый год испытаний он всего на 3 процента превосходил по урожайности исходный сорт. Но в неблагоприятных условиях — в дождливое и холодное лето — его урожайность уже превысила исходный сорт на 44 процента. Благодаря гамма-облучению Эректоид-72 не поражался ни ржавчиной, ни мучнистой росой — наиболее опасными для зерновых культур болезнями, из-за которых на полях ежегодно погибают тысячи тонн первоклассной пшеницы.

Методы радиационной селекции позволяют так «переконструировать» растения, что вредители оказываются против них бессильными. Причем ценные свойства у растений полностью сохраняются.

Радиация из разрушителя стала созидателем. Десятки лабораторий во многих странах мира занимаются

сегодня выведением новых сельскохозяйственных культур с помощью ионизирующих излучений. Созданы специальные центры по использованию радиации в сельском хозяйстве. Они занимаются не только созданием новых сортов, но и разработкой методов, как сохранить уже полученные дары земли.

В 1961 году в Канаде началось повсеместное облучение картофеля. Вскоре к канадцам присоединились и другие страны. В нашей стране создана опытная установка по облучению картофеля. Находящийся в транспортных контейнерах овощ помещают в бетонную камеру и некоторое время подвергают действию гамма-лучей. Облучение помогает картофелю благополучно пережить долгие зимние месяцы.

Известно, что картофель нужно хранить в специальном помещении при низких температурах. Иначе он прорастает. Однако постепенно картофель в хранилище начинает приобретать сладковатый вкус. Крахмал превращается в сахар. Есть такой картофель не очень приятно.

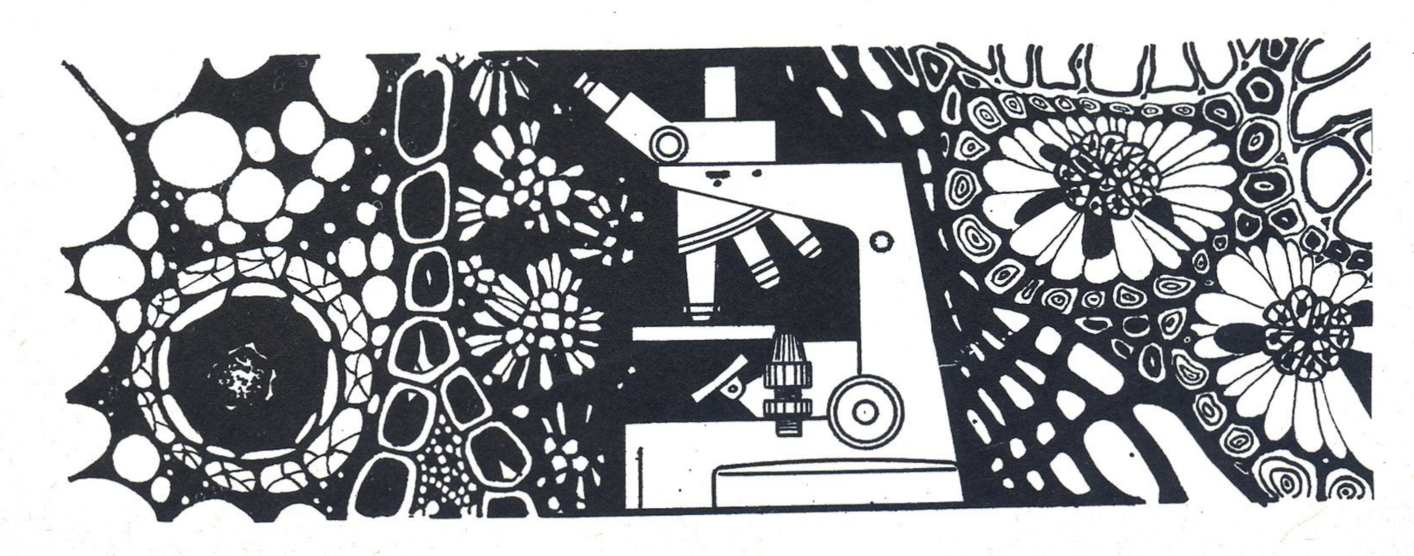
Облучение гамма-лучами заставило этот овощ «утихомириться». Дозы в 6—7 тысяч рентген вполне достаточно, чтобы клубни не изменили своих свойств вплоть до нового урожая. Гамма-лучи воздействуют на обмен веществ внутри каждой картофелины и как бы затормаживают его. Так как химический состав клубней не изменяется под действием облучения, такой картофель совершенно безвреден для организма человека.

Многие ученые считают, что облучение семян перед тем, как они попадают в почву, стимулирует их рост и повышает урожайность. Некоторые опыты, проведенные советскими исследователями, подтверждают эти предположения. Например, особенно предрасположены к «радиоактивным удобрениям» некоторые огородные культуры. Урожай моркови, например, повышается почти на 30 процентов!

Не отстает от своих огородных коллег и «королева полей». В нашей стране уже довольно широко используется облучение семян кукурузы, предназначенной на силос. И початков и зеленой массы убирают с поля, на котором посажены такие семена, значительно больше, чем с обычного.

Радиационная селекция — сравнительно молодая отрасль науки, но она уже добилась больших успехов. Недалеко то время, когда генетики, взяв на вооружение различные виды ионизирующих излучений, начнут с их помощью «переконструировать» растения. Они создадут новые виды сельскохозяйственных культур, таких, в возможность появления которых сегодня даже трудно поверить.

В. ГУБАРЕВ

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

АПРЕЛЬ

Необыкновенный этот месяц, месяц птиц, первых цветов, распустившихся деревьев. Торопится весна, с каждым днем прибавляются в природе все новые и новые краски: голубые, желтые, зеленые. Качнешь слегка ветку ольхи — и желтое облачко повиснет в воздухе, на земле сквозь старые листья видна уже первая зелень травы, и над всем этим голубое прозрачное небо.

Сегодня «Лесная газета» поможет тебе познакомиться с апрельской жизнью леса. А что ты увидел в нем? Чем удивил тебя весенний лес? Ждем твоих сообщений.

Еще вчера на реке как будто прочно лежал лед, а сегодня к полудню у берега появилась вода. Полоска воды шире, дальше от берега отходит голубая кромка льда — и вот уже с высокого неба несутся странные голоса: «кры-скры, кры-скры» — будто кто-то все время поскрипывает вдали то глухо, то звонко. Лебеди! Они узнали о первой воде на реках и озерах и теперь летят на родину.

Кого-кого, а лебедей отличить от других птиц совсем просто — большие белые птицы широким плавным клином тянут на Север.

Не спутаешь ни с кем и журавлей, хотя и похож походный строй этих птиц то на лебяжью стаю, то на строй гусиного отряда. Отличишь журавлей и по голосу — ведь только они умеют так звонко и чисто курлыкать.

А уж если случится увидеть на горизонте длинную ленту серых птиц да еще услышать ясный гогот, сразу узнаешь, что гуси двинулись в путь на свою далекую северную родину.

Лебедей, журавлей, гусей можно увидеть и услышать утром, днем и вечером. Другой раз выйдешь ночью на крыльцо, прислушаешься к далеким голосам и вдруг ясно разберешь за лесом «га-га», «га-га». Не видно птиц в густом тумане, но знаешь хорошо, что это гуси торопятся домой. И вдруг над самой головой раздается легкий и быстрый посвист сильных крыльев. Утки! И почти тут же услышишь, как уставшая утиная стайка опустилась на воду.

Давайте дождемся утра и постараемся рассмотреть уток поближе.

Вот у самого берега среди старых болотных кочек раздалось громкое «кря-кря», «кря-кря-кря». Кто это? Неужели домашние утки пожаловали на речку? Нет, домашние утки еще только щурятся на солнце, несмело переступая с ноги на ногу около корытца с овсом, — их сегодня первый раз выпустили на двор. А здесь на берегу речного залива подает голос дикая утка кряква.

Кря-кря, кря-кря... И тут же с другого берега раздался в ответ голос селезня:

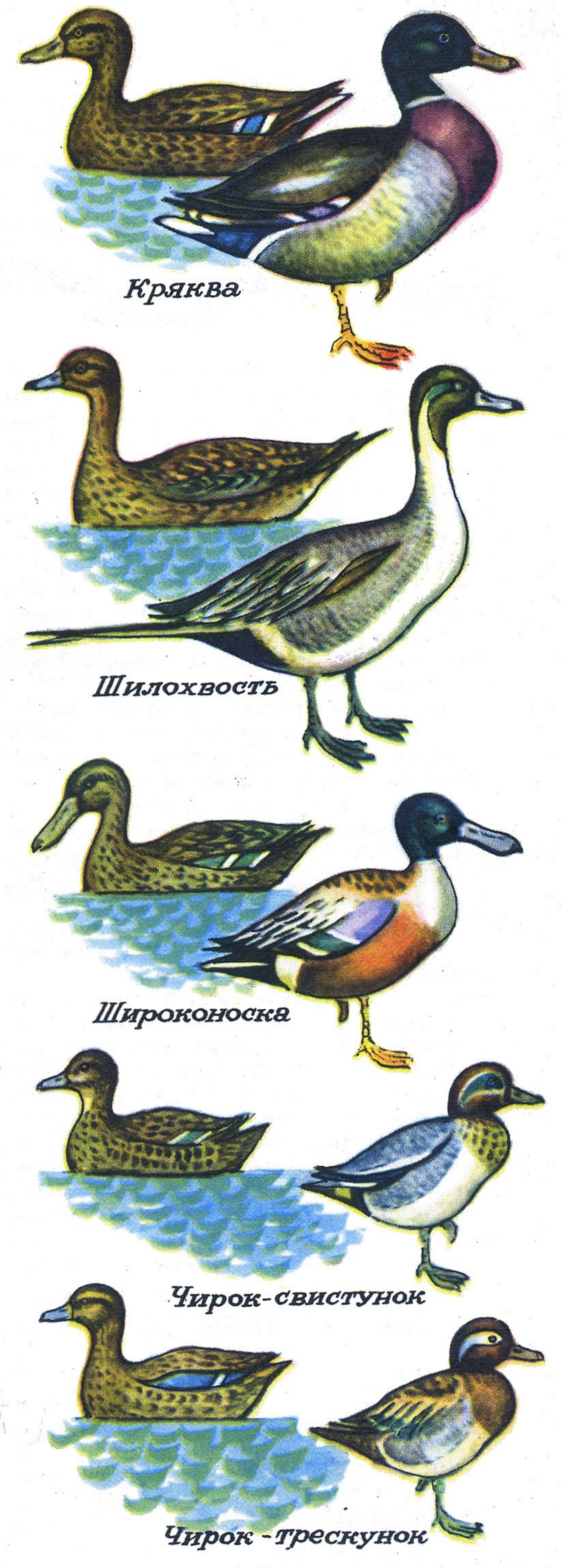

Рис. И. Кошкарева

«жвяк-жвяк, жвяк-жвяк». А вот и он, красавец ухажер. Темно-зеленая блестящая головка, узенький белый воротничок, темно-коричневый нагрудничек-манишка, светлая грудка и яркая серая спинка, да еще на крыльях по блестящему фиолетовому зеркальцу — уж кто не знает крякового селезня!

А самочка одета скромно — в коричневую пеструю шубку. Да и зачем самочке рядиться, когда самое главное для нее быть незаметной, не выдать цветастыми нарядами гнезда и птенцов, которые скоро появятся в заливе.

А что это за красавец степенно разгуливает по воде около самой кромки льда? Ярко-коричневая головка высоко поднята, чисто-белая грудка гордо выпячена вперед, а главное — хвост, длинный и острый, как шило, хвост. Знакомьтесь — это селезень шилохвость. Он, как и его ближайший родственник — кряковый селезень, большой франт, а утка шилохвость, наоборот, очень скромна, и только по заостренному хвостику можно отличить издали ее от утки кряквы.

Теперь пора познакомиться еще с одним писаным красавцем — селезнем. Черная голова и белая грудка, светло-коричневые бока, темная спинка и белые плечи и удивительно широкий нос. Из-за такого носа назвали утку широконоской. Широконоска — это третья наша речная утка. Самочка-широконоска так же незаметна среди травы и кочек и так же скромна, как ее подруги — самочки кряквы и шилохвости.

Селезни кряквы, шилохвости и широконоски — самые яркие среди наших речных уток. А чтобы сразу узнать селезней серой утки, свиязи, чирка-трескунка и чирка-свистунка, надо быть очень внимательным.

Вот над заливом показалась стайка уток. Стайка медленно облетает залив вдоль берега. Вдруг от нее отделились две небольшие уточки, быстро-быстро пересекли залив и уселись на воду неподалеку от нашей засады. Давайте внимательно приглядимся к этим небольшим уточкам. Одна из них серенькая и незаметная — самочка, а другая поярче — селезень. Самочка чем-то увлеклась, что-то увидела в воде, а селезень суетливо завертел головкой и негромко засвистел... Конечно, это чирки-свистунки, самые маленькие, самые быстрые наши речные уточки.

Вдруг рядом с ними уселись на воду еще две небольшие уточки, и почти тут же раздался резкий трескучий крик селезня: «крек, кррек, крррек». Познакомьтесь — это чирки-трескунки.

Отличить двух разных чирков можно, во-первых, по голосу: свистунок как бы посвистывает, а трескунок — потрескивает. Во-вторых, по окраске головы.

У селезня чирка-трескунка от самого клюва над глазом к затылку и дальше по шее проходит белая полоса. Такой полосы у чирка-свистунка нет, но зато у него от клюва к затылку проходит широкая сине-зеленая полоска с красноватым отливом. Расположена она по обеим сторонам глаза и как бы обведена и сверху и снизу тоненькой белой полосочкой.

Дождемся, когда вернется мороз, заскрипит под ногами наст там, где еще остался снег, и зазвенит стянутая ледком тропка там, где снег уже растаял. И отправимся в путь.

Первая остановка у густых елочек, под которыми высокий сугроб, а на снегу кучка еловых шишек... Все ясно — это столовая дятла.

А давно ли дятел устроил здесь кузницу? Не все шишки лежат сверху — некоторые из них только-только выглядывают из сугроба. Осторожно снимем сантиметр за сантиметром снег, падавший зимой, и перед нами постепенно откроется вся история столовой дятла.

след ежа

На самой земле лежат старые, успевшие почернеть осенние шишки. Их прикрыл на зиму самый первый снег. Он падал густо и долго. Но потом наступила легкая оттепель, снег намок. И мороз схватил его плотной ледяной корочкой.

Затем шел снег, возвращалась оттепель, ударял мороз. Об этом рассказали снежные этажи сугроба. Ниже второй ледяной корочки на первом снежном этаже всю зиму орудовали мыши. Только они могли так расправляться с шишками, оброненными дятлом. И только они могли прорыть такие узенькие норки-туннели в снегу. Мышиных туннелей много, все они начинаются у самой земли и тянутся к оброненным шишкам.

Осторожно обрезаем снежную стенку и вдруг видим еще один туннель, не похожий на мышиный —

следы енота

много шире и к тому же в нескольких местах испачканный землей. Кто же это разгуливал по снежному туннелю и почему таинственного посетителя сугроба совсем не интересовали еловые шишки?.. Конечно, это крот выбрался из своей земляной норки, проделал в снегу туннель, ведь зимой кроты частенько путешествуют, сокращая путь от норы к норе.

А что это у самой березы слегка темнеет на снегу? Неглубокая широкая лунка-ямка, а на дне ямки размокший птичий помет. Это недавняя спальня тетерева. Сейчас она вытаяла из снега, превратилась в широкую лунку. Помет птицы чуть-чуть размок, но все равно видны непереваренные березовые почки — любимая пища тетеревов зимой. На этой березе тетерев общипывал почки, а потом камнем падал вниз и крепко спал до нового зимнего утра, зарывшись в глубокий мягкий снег.

шишка ели, расклеванная дятлом.

шишка ели, погрызенная рыжей полевкой.

А что это за ямы протянулись по соседнему осевшему сугробу? Глубокие и широкие, с расплывшимися, подтаявшими краями, одна за другой тянутся они будто по цепочке. Эти следы оставил лось. Сейчас, когда снег тает буквально на глазах, отыскать отпечатки копыт животного почти невозможно. Но пройдемте немного дальше.

Вот новый сугроб и новые следы-ямы. Сугроб обрывается, и на сырой оттаявшей глине видны отпечатки лосиного копыта. Этот лось шагал по лесу совсем недавно, когда снег

уже успел местами стаять. Но может быть, это прошлогодние следы?

Представьте себе, что осенью по дороге прошел лось. Он шел вечером, а ночью вдруг посыпал густой мокрый снег. Снег аккуратно засыпал отпечатки лосиных копыт, и теперь весной, когда снег растаял, перед вами оказались очень четкие следы, которые легко спутать с сегодняшними.

Приглядимся внимательнее к следам. В отпечатке копыта лежат еловые иголочки. Они-то и помогут нам определить свежесть следа.

Иголки падают на снег зимой. Весной снег тает, и иголки оказываются на земле. Если же такие иголки попали в след лося, оставшийся с осени, то на отпечатке копыта они будут лежать «легко», как скажут опытные следопыты. Их можно легко подцепить палочкой и выкинуть в сторону. А если снег успел растаять, иголки опустились на тропу и только потом по тропе прошел лось? В этом случае иголки, опавшие зимой, будут прочно впечатаны в торф или глину, и попробуй из такого весеннего следа вынуть их.

Вот мы и познакомились с одним секретом следопытов. Он поможет вам различить в весеннем лесу свежие и прошлогодние следы медведя, барсука, енота, ежа и точно определить, проснулись или не проснулись эти животные.

Многие весной выпускают из клеток птиц. Кажется, простая штука: открыл дверку, выпорхнула из нее пленница, отлетела недалеко, села на ближайшее дерево или забор, посидела немного и улетела куда-то.

Но выпустить так птичку — все равно что задушить ее, никуда не вынося. Она погибнет. Чтобы этого не произошло, нужно уметь выпустить, а чтобы уметь, надо знать, как это делается.

Выпуску непременно должна предшествовать подготовка в течение 5—7 дней. Клетку в лес носить не нужно. Там-то птица скорей всего будет поймана каким-либо пернатым хищником. В садике или дворе, а то просто на стене дома нужно выбрать такое место, где птичку не достанет кошка.

5—7 дней нужно выносить клетку с птичкой и вешать всегда на одном месте так, чтобы птичке была видна вся территория двора или сада, чтобы она могла хорошо к ней привыкнуть за эти дни. Висеть клетка должна с утра до вечера. Птице надо насыпать самого любимого корма и поставить воду. Не беспокоить птичку хождением или беготней мимо клетки.

Но вот прошла неделя. Теперь можно и выпустить птичку в первый же погожий денек. Клетку выносят на привычное место и открывают дверку. Пугать птицу, чтобы она вылетела, не надо. Пусть спокойно кормится, а когда сама захочет, выпорхнет из клетки, полетит и сядет на ближайшее дерево. Расправит крылышки, иногда помашет ими. Отвыкла она летать, ослабли ее мускулы: и быстрота не та, и устает скорее. Долго иногда птица сидит на одном месте, осматривается. Но наконец решилась и улетела.

Что после этого делают все ребята, да и взрослые, если они при этом присутствуют? Берут клетку и идут домой. Что же теперь тут стоять? Но это и есть главная ошибка. Нельзя до вечера уносить клетку. Бывает, попробует птичка свои силы, почувствует, что не может летать далеко и быстро, проголодается, вспомнит, что в клетке-то у нее корм, вода и никто ее там не тронет, — глядишь, к вечеру опять сама в клетку вернется! На другой день нужно все повторить сначала. Бывают случаи, что по 3—4 раза возвращается птичка в свою клетку, только отлучки ее становятся все больше и больше.

●

У меня было шесть ежей, которых я взял после того, как их жилье под дровами разрушили. Прижился у меня голубенок, которого я спас от стаи ворон. Жили у меня два приятеля-зайца. Взял себе я еще дятла и крошечного лисенка, которого привез с охоты мой дядя.

пос. Икряной Астраханской области — **Сережа Сароянц**

●

У меня сейчас живут две сороки и ворона Верка. Верку нашли в лесу ребята и отдали мне. У нее было подбито крыло. Сейчас ворона хорошо летает, но далеко от дома не улетает, потому что у нее есть друзья — сороки. Одну сороку я отобрал у ребят. Они привязали ее за ногу и бегали с ней по деревне. А другую нашел в лесу.

с. Н. Илимск Иркутской области — **Витя Погодаев**

Хлопотливое, ой хлопотливое это весеннее время! Столько забот, столько встреч и разговоров, столько удивительного и необычного свершается в начале весны!

Но ровно год назад я совсем не шутила, когда рассказывала вам о воробьях, поселившихся в грачином гнезде. Могло ли или не могло такое быть? — спрашивала я. И в ответ мне пришло так много писем, что невозможно прочитать все. А потому сейчас я познакомлю вас только с одним письмом. Прислал его А. Александров из Горьковской области: «В нашем селе стоит старая церковь, вокруг нее растут деревья. На деревьях и в самой церкви живут самые разные птицы. Грачи и часть воробьев живут на деревьях, а голуби, галки, стрижи живут в церкви. Грачи живут у нас уже много лет. Каждый год они надстраивают свои гнезда, и поэтому гнезда стали большими кучами из веток. И вот в этих больших гнездах вместе с грачами устроились воробьи. Живут птицы мирно и беззаботно — ведь грачи отгоняют от своих гнезд любых хищников».

Остальные ребята также правильно ответили на мой вопрос.

В прошлом году я рассказала вам еще одну интересную историю. Героями ее были медведь и маленькие лесные мыши. Косолапый спал на поляне неподалеку от норки мышей, а мыши, недолго думая, принялись таскать у него клочки линной шерсти. О том, что такая история могла произойти, рассказали многие ребята. Больше того, они написали, как собирают линную шерсть у собак и коров скворцы, как грачи подбирают клочки собачьей шерсти и как воробьи смело таскают в свои гнезда перья, оброненные курами. Я благодарю всех-всех ребят, которые прислали мне свои письма, а сейчас задаю новый вопрос. Его прислал Сергей Голобородько из села Коновалово Белгородской области.

«У нашего соседа есть хороший вишневый сад. Иду я как-то мимо сада и останавливаюсь как вкопанный — молоденькая вишня протягивает мне через ограду цветочную ветку. Меня это очень поразило — вишня цвела в пятиградусный мороз. Я никак не мог поверить, что это правда. Старики говорили, что дерево цветет в мороз перед тем, как погибнуть, засохнуть. Ответьте, почему в мороз цвела вишня?»

И я, сорока-белобока, и Сергей Голобородько ждем ваших писем, ребята.

Перед вами молочай красивейший. Не удивляйтесь, это на самом деле молочай. Оторвешь лист или веточку — сочится белая жидкость, млечный сок. Точно так же, как у наших дикорастущих молочаев. В СССР молочай красивейший можно видеть только в оранжереях ботанических садов. В отличие от наших травянистых молочаев это кустарник. Он вдвое выше человеческого роста. В растительном мире такое явление не редкость — северные травы имеют в тропиках кустарниковых и даже древовидных родственников.

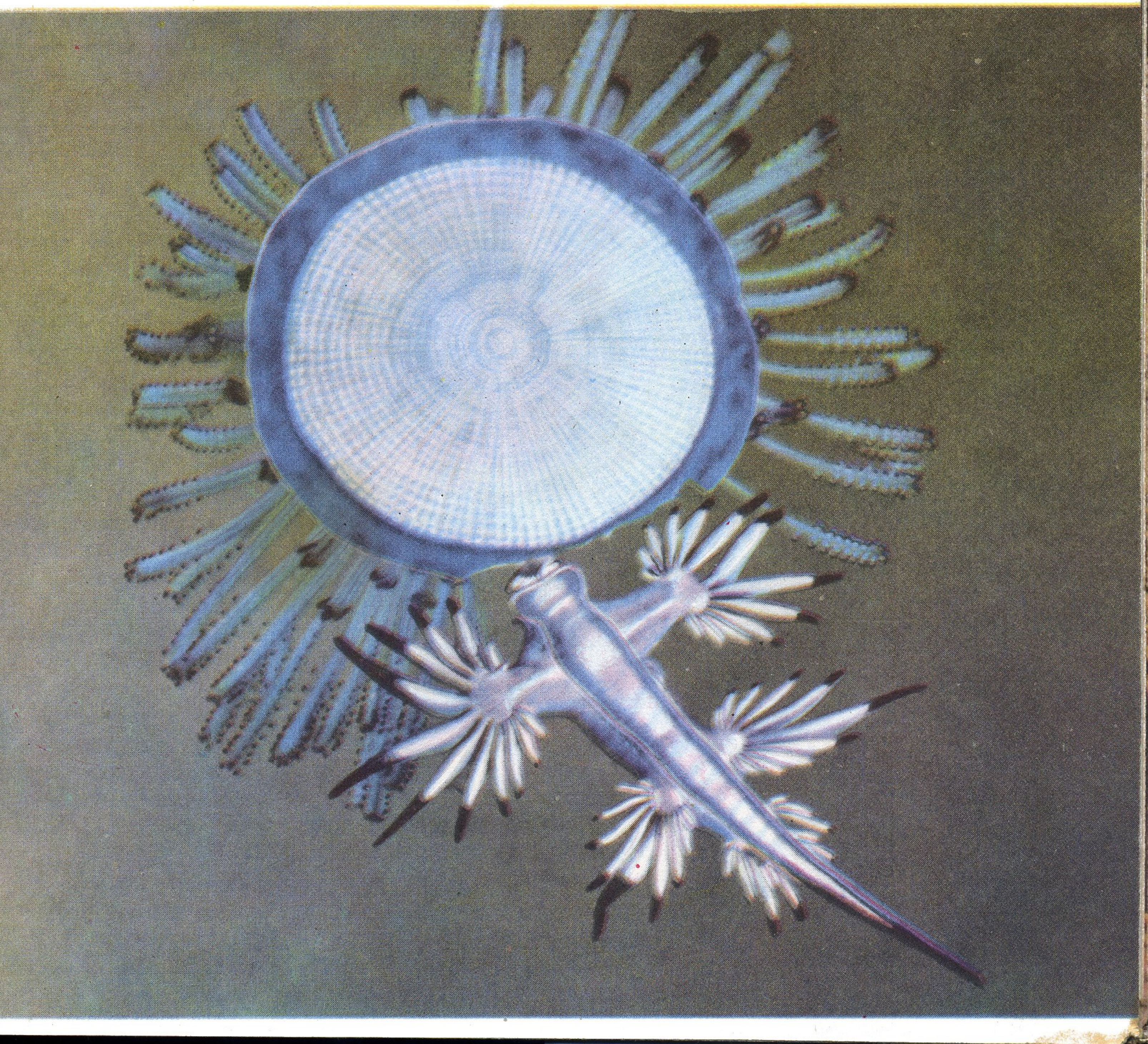
Хотя родина молочая красивейшего — Мексика, он за последние 30—40 лет хорошо прижился в Кении и Танзании. Жители Восточной Африки считают его «своим растением» и называют «огненным кустом». Нарядный вид этому растению придают совсем не цветки, а самые верхние листья. В сухое время года это растение ничем не приметно. Но с наступлением первых дождей на конце веток, вокруг невзрачных желтых цветков ярким пламенем вспыхивает хоровод красных листьев. Потом цветы увядают, а хоровод зеленеет, сливаясь со всей листвой.

Фото С. Кулика

Посмотрите, как красив голожаберный моллюск глаукус с его бархатно-синим брюшком и серебристо-белой спинкой! И форма у этого моллюска необычная. Щупальцевидные выросты глаукуса сильно вытянуты и собраны в веерообразные пучки по бокам тела. Это своеобразные «ноги» моллюска. Они помогают глаукусу держаться у поверхности воды. Плавает он брюшной стороной кверху, а спинной книзу. Это делает его незаметным и с воздуха и из воды.

Глаукус — хищник. Для крохотных сифонофор он враг номер один.

Крысиные кенгуру — самые маленькие из семейства кенгуровых, ростом они с крысу или кролика. Обитают эти кенгуру в Австралии и Тасмании.

У мускусного крысиного кенгуру хвост бесшерстный. Передвигается этот зверек на всех четырех лапах. Другие же крысиные кенгуру скачут лишь на задних лапах, и хвосты у них вполне приличные на вид — не голые, а все в шерсти.

Травы, клубни, грибы (а у мускусного еще и насекомые) — таково меню этих мини-кенгуру. Многие зверьки пасутся по ночам и тогда часто и безбоязненно прыгают по окраинам поселков, подбирая разные отбросы на свалках и помойках.

Вот в какое пестрое платье нарядилась лягушка-древолаз из Перу, которую вы видите на фотографии.

Древесные лягушки интересно заботятся о своем потомстве. Одни склеивают два листка и, как только в «чашу» наберется вода, мечут икру в самодельный водоем. Другие вьют гнездо из пены. Икру мечут, когда верхний слой пены затвердеет, а внутри «инкубатор» остается еще влажным. Как только подрастут головастики, твердая оболочка растворяется, и лягушата падают с дерева в воду.

От сурового арктического побережья, где выходят к зимовкам ученых белые медведи, до заснеженных тянь-шаньских вершин на тысячи километров раскинулись тундра и тайга. Но в этих некогда глухих местах среди островерхих елей и сосен встали нефтяные вышки. Нефтяная река Тюмени по двум руслам потекла на Запад и в Сибирь. Придет она и в Туву, забайкальскую нашу республику, где в отрогах Саян растет удивительная облепиха. Ее красные ягоды — целая аптека под горным высоким небом.

Жадные глаза

КАЙМАНОВ

Если вы, хотя бы в кино, увидите крокодила с открытой пастью, знайте — перед вами крокодил настоящий. Только он может часами греться на солнышке, широко открыв пасть. Аллигаторы разевают пасть, только когда зевают.

Крокодилов, а их очень много: крокодил настоящий, кайман, гавиал, аллигатор и другие, встретишь почти во всех теплых странах.

Самый маленький из крокодилов — гладколобый кайман — чуть больше метра, а самый длинный — узкорылый крокодил — достигает семи.

Не так давно болота и реки Южной Америки и Восточной Африки буквально кишели крокодилами. Они сотнями лежали на берегу или нежились в воде.

Иногда эти скопища оглашали воздух ревом, будто мычало стадо взбесившихся быков. Теперь этих животных становится все меньше и меньше.

Местожительство кайманов и аллигаторов — Южная Америка. Нильских же крокодилов увидишь в верхнем течении Нила, некоторых областях Восточной Африки и на Мадагаскаре. Чтобы сохранить крокодилов от полного исчезновения, сейчас их приходится разводить на фермах.

Казалось, я путешествую по морю. Кругом безбрежная степь, редкие кущи можно принять за острова. Я уже решил остановиться и проверить очередное темное пятно: может быть, докопаюсь до воды? Но тут мои глаза приметили водоем.

Удивительный водоем. Я даже как-то на миг забыл о главном, ради чего искал его. Совершенно правильный круг около метра в поперечнике. И такой же правильной формы вал высотой в несколько десятков сантиметров. В первую минуту я решил, что это дело рук человека. Как иначе объяснить столь точные пропорции?

Взяв канистру, я подошел к воде. Неведомый благодетель, сотворивший водоем, не оставил следов на сырой глине, зато я увидел следы птиц, броненосцев и носух. Самая кромка вала была тщательно приглажена незримым ваятелем. Кругом белели перья цапель, несколько перьев плавали на воде.

Меня заставил вздрогнуть неожиданный шум. Но это всего лишь радиатор громким хрипом еще раз напомнил о своей жажде. Обмотав руку тряпкой, я отвинтил крышку радиатора и живо отскочил в сторону, чтобы меня не обварила буйная струя пара.

Стоя с канистрой в руке и ожидая, когда кончится это извержение, я вдруг почувствовал, что мне в спину пристально смотрят чьи-то глаза. В первую секунду я оцепенел, потом круто обернулся и... никого не увидел. В степи было пусто. Неужели солнечный удар? Проклятый зной. С легкой тревогой я стал заливать радиатор водой. Ух, как жадно пьет! Мне и самому захотелось пить, но только я подумал о фляге, лежащей в моей кабине, как снова ощутил на спине взгляд этих глаз. Нет, не буду поддаваться игре воображения! Я решительно подошел к кабине, взял флягу и приложился к ней. И с каждым глотком все явственнее чувствовал на себе чей-то взгляд.

Я заставил себя спокойно отложить флягу и так же спокойно обернуться. По-прежнему голая степь. Что я ожидал увидеть? Человека? Во всяком случае, это решило бы загадку. А так... Да, похоже, у меня неладно с головой. И вдруг я заметил, как на воде возникла и тут же пропала какая-то рябь. Неужели снова почудилось? Надо разобраться, хотя бы для того, чтобы понять свое состояние. Рябь на воде как будто подтверждала одну догадку, которая зародилась у меня при виде перьев цапли. Решение принято: я сел в машину, отогнал ее метров на сто в сторонку, вооружился биноклем и приступил к наблюдению.

Я смотрел до боли в глазах. Со стороны можно было подумать, что я свихнулся. Да я и сам к этому склонялся, глядя на зеркальную гладь воды. Совсем один, не на что опереться, не с кем посоветоваться. В голове сплошная мешанина. Я с мольбой глядел на водоем. Прошло десять минут. Они показались мне вечностью. Чу! Опять слабая рябь. Может быть, ветер? Но никакого ветра нет.

Постой, что это? Из воды показались две точки. Больше... больше... и вот уже отчетливо видны глаза. Глаза крокодила, словно выточенные из янтаря или стекла. А какой взгляд — сосущий, пронизывающий, даже колючий. В меня будто впилась сотня иголок. В то же время я ощутил такое облегчение, что чуть не рассмеялся. Я был готов сказать спасибо этому крокодилу.

Возможно, как раз в эту минуту и родился во мне совершенно необычный интерес к этим чудовищам.

Зоолог сказал бы, что передо мной кайман, еще точнее — очковый кайман. В этом краю водятся лишь кайманы очковые, широкорылые и парагвайские.

У каймана и аллигатора, по словам зоологов, прикус такой, что четвертый зуб не виден. Не знаю, с какими кайманами имели дело эти зоологи, но, уж во всяком случае, не с теми, которые обитают в районе Пантанала. Здесь у кайманов постарше нередко отчетливо виден удлиненный четвертый зуб, причем он «входит в боковую выемку верхней челюсти», как у крокодила настоящего. Порой четвертый зуб просверливает насквозь верхнюю челюсть и торчит из нее наружу.

Обитатель водоема зашевелился. Он изогнул могучий хвост, всколыхнул всю воду и начал медленно вращаться. И сразу все стало ясно: роль лопаточки ваятеля играл хвост! Затянувшаяся засуха упорно наступала на водоем, но кайман так же упорно углублял свой колодец. Рыбы, конечно, давно не осталось, но на водопой приходили птицы и четвероногие. Белые перья явно принадлежали одной из жертв. Круглый водоем был для одного идеальным убежищем, для других смертельной ловушкой.

Когда месяца через два мне снова довелось проезжать мимо этого места, от водоема уже ничего не осталось; катастрофическая засуха одолела его. Но каймана я обнаружил. В оболочке из высохшей глины он ждал дождевого сезона, превратившись на время в живое ископаемое. Я успел поближе изучить повадки кайманов и уже ничему не удивлялся. Как мне потом говорили, кайманам часто удается таким способом пережидать засуху.

Правда, не все кайманы мирятся с пассивным ожиданием. Однажды вечером моя машина переехала трехметрового каймана. Я тут же остановился, чтобы добить из ружья жертву столкновения. Жертву? Кайман как ни в чем не бывало топал дальше. При взятом им курсе он мог рассчитывать добраться до воды не раньше, чем через неделю. А сколько он уже прошел? Кстати, кайман именно шел, а не полз, шел этаким «мультипликационным» шагом.

Как и все крокодилы, кайман может, так сказать, «поднимать шасси», что позволяет ему не только ходить, но и бегать, причем удивительно быстро, в чем мог убедиться всякий, кто улепетывал от защищающей свое потомство разъяренной самки. К счастью, на суше кайману неудобно кусать: ему для этого надо повернуть голову набок. В воде это выходит очень ловко: ухватится зубами, весь изогнется и дернет, вырывая из тела жертвы кусок мяса. Кайман поворачивается боком и при ловле рыбы.

Обычно рыбная ловля происходит на рассвете. Перед восходом солнца охота заканчивается. И основательно подкрепившиеся самцы затевают поразительную игру. Сперва кайман, лежа в воде, как бы накачивается. Странно: хотя он лежит неподвижно, чувствуешь, как что-то назревает. Напряжение растет, голову будто распирает изнутри, зубчатый драконий хвост медленно поднимается из воды. Вдруг все тело начинает бить мелкая дрожь, и происходит самое удивительное — спина каймана превращается в живой фонтан. Множество тонких струй повисает в воздухе. Через несколько секунд водяная завеса рассеивается, и звучит могучий, низкий рев, иногда довершаемый стуком челюстей, который я в первый раз принял за удар топора по твердому дереву.

Как действует этот фонтан — своего рода загадка. Я в ней так и не смог разобраться. Кажется, вода брызжет из множества отверстий в спине, но ведь таких отверстий нет. Конечно, я слышал кучу разных объяснений, но ни одно из них меня не убедило, так что я не уймусь, пока не докопаюсь до истины сам.

Самцы не прочь подраться друг с другом, однако по-настоящему агрессивны только большие черные кайманы. Они явно не терпят вторжения чужаков в область, которую считают своей. Правда, я тут могу ошибиться: возможно, речь идет не о черном, а о парагвайском и очковом кайманах, которые, словно хамелеон, меняются в цвете, чернея от ярости. В черной рамке особенно ярко горят желтые глаза.

Там, где кайманов еще сохранилось много, иногда вам может показаться, что вы перенеслись в какой-нибудь доисторический период. Представьте себе берег реки, на котором лежат в ряд тысячи кайманов. Испуганные шумом животные кидаются в воду. И тут оказывается, что они лежали в несколько слоев. Ныряя, кайман сильно бьет по воде хвостом — это сигнал тревоги.

Увы, такие картины теперь становятся все более редкими, а скоро они, похоже, и вовсе уйдут в прошлое. Кожа кайманов ценится высоко, и охотники стреляют их без всякой жалости.

Многое говорит о том, что кайманов стоит поберечь. Вспомните маленького каймана, который в засуху героически старался сохранить небольшой водоем. А сколько сотен тысяч кайманов своим непрерывным трудом восстанавливают русла рек! Известны случаи, когда полное истребление кайманов в том или ином районе приводило к гибели тысяч голов скота — в засуху некому было спасать водоемы.

Нет кайманов — и в реках полно пираньи. Так случилось в одном из районов Амазонас, где скот не мог напиться в реке без риска потерять язык.

По сравнению с пираньей кайман в общем-то безобидная тварь. Конечно, он способен сильно искалечить человека, но смертельные случаи редки. Хуже приходится собакам. Если в деревне пропала собака, почти наверняка она попала в желудок кайману. Правда, псы поумнее знают способ, как перебраться через реку, кишащую кайманами: сядут на берегу и принимаются громко лаять, сообщая о своем присутствии. Тотчас со всех сторон собираются кайманы, и вот уже целый голодный отряд ждет лакомой добычи. А собака отбежит метров на двести в сторону и живо переплывет реку, оставив кайманов с носом.

Арне СУКСДОРФ

Перевод со шведского Л. Жданова

КУКУШКА

В конце апреля в оживленных подмосковных лесах впервые раздается унылый и немного таинственный крик кукушки. Это кричат возвратившиеся на родину самцы. Несколько позже прилетают самки, но их пока не слышно. В начале же лета, когда полным ходом гнездятся мелкие воробьиные птицы, среди лесных полян целые ночи напролет раздаются необыкновенно звонкие голоса кукушек. «Та-та-ку, та-та-ку», — кричит один самец, и тотчас, подобно эху, этот крик подхватывает второй, затем третий... Даже если кто-то из них и примется твердить обычное «ку-ку», то уже возбужденно и в гораздо более быстром темпе. И чем темней становится в лесу, тем неистовей звучат крики кукушек.

Но вот в перекличку врывается совсем особенный, чистый и звенящий голос: «буль-буль-буль-буль». Это закричала кукушка-самка. На какую-то долю секунды все замирает, а затем весь буйный хор вступает с удвоенной силой. И начинает казаться, что и сам лес звенит от этих криков...

Если бы это была какая-нибудь другая птица, то, вдоволь накричавшись, она отправилась бы строить гнездо, отложила в него яйца и принялась их насиживать. Но кукушки давным-давно разучились строить гнезда. Быть может, это произошло оттого, что первоначально они гнездились в дуплах или норах, а когда дупел не стало хватать, кукушки начали занимать чужие готовые гнезда, а потом и просто подкладывать в них свои яйца. Может быть, это произошло и как-нибудь иначе. Но что в отдаленные времена кукушки умели строить гнезда, это не вызывает сомнений: время от времени какой-нибудь натуралист замечает кукушку с веточкой в клюве. Потаскав ее немного и не зная, куда пристроить, птица роняет веточку на землю и летит на поиски чужого гнезда, летит в полном одиночестве, отделавшись от самцов, которые обычно ее сопровождают. Выбрав самое высокое дерево и удобно устроившись, кукушка часами высматривает подходящее гнездо, куда она отложит свое яйцо. Вот она видит, как в заросли брусники полетели два лесных конька с кормом. Значит, там птенцы. Кукушке это не подходит, и она меняет наблюдательный пункт.

Вскоре ее зоркий глаз замечает оранжевую грудку птицы, спешащей с сухой травинкой в клюве. Это зарянка. В маленькой пещерке, уходящей под корни старой березы, она достраивает гнездо. Но не следует торопиться. Кукушка вернется сюда через несколько дней, когда гнездо будет готово и зарянка отложит в него свои первые яйца.

И вот кукушка снова появляется на лесной поляне. Теперь, когда жертва намечена, остается только незаметно подобраться

к гнезду. Маленькая зарянка откладывает яйцо утром и больше в этот день в свой «дом» не заглядывает. А потому именно во вторую половину дня кукушка покидает наблюдательный пост и, тяжело планируя, спускается к гнезду. Если условия позволяют, она откладывает яйцо прямо в гнезде. Но у зарянок очень тесные норки, удобнее положить яйцо сначала на землю, а затем в клюве перенести на место, при этом еще полагается выбросить одно или два яйца хозяев.

Всегда ли так безмятежно проходит процедура подбрасывания яиц в чужие гнезда? Вовсе нет! Хозяева, заметившие приближение кукушки, защищают гнездо всеми доступными им средствами. Даже крошечные пеночки поднимают крик, и, по неписаным законам леса, со всех сторон спешат им на помощь гнездящиеся неподалеку соседи. А когда несколько десятков птиц одновременно пищат, щелкают, трещат и мечутся вокруг кукушки, она отступает. Не раз приходилось видеть, как сквозь деревья в полном молчании стремительно прорывается кукушка, а за ней несется целая стая громко кричащих птиц. (Кстати, это один из тех случаев, когда вспугнутая кукушка может подбросить свое яйцо в первое подвернувшееся и совершенно не подходящее для этой цели гнездо.)

На самый крайний случай в арсенале кукушек есть еще один коварный прием. У гнезда воинственно настроенных хозяев кукушка появляется в сопровождении самца, который и принимает на себя натиск его защитников. Повертевшись немного, самец улетает в окружении теснящих его хозяев, а самка тем временем беспрепятственно откладывает яйцо в оставленное без присмотра гнездо.

Однако подбросить его в гнездо соседки — еще половина дела. Для полного успеха необходимо, чтобы птица согласилась его насиживать. А это зависит главным образом от того, как выглядит кукушиное яйцо. И в самом деле, как оно выглядит? Яйцо, за которым орнитологи отправляются в далекие экспедиции! То самое яйцо, найдя которое в гнезде маленькой лесной птички, натуралист теряет голову от радости.

Итак, разучившись строить гнезда, а затем и насиживать яйца, кукушка встала на путь так называемого гнездового паразитизма. Она откладывает относительно мелкие яйца: 22—24 миллиметра в длину. Некоторые птицы, которым кукушка поручает заботу о своих птенцах, несут такие же яйца, у большинства они заметно отличаются от кукушиных, но птицы без труда мирятся с разницей в размерах. Иное дело — окраска. И здесь кукушка нарушает птичьи законы, по которым всем представителям вида полагается нести примерно одинаково окрашенные яйца. У кукушек не так — даже две самки, охотящиеся за гнездами в одном и том же лесу, могут откладывать яйца разного цвета: одна, например, только гладко-голубые, другая только грязно-розовые в крапинку.

Теперь подходим к самому ответственному моменту в судьбе кукушиного рода. Всегда ли удается кукушке подложить свое яйцо в гнездо, где лежат яйца того же цвета, что и ее собственные? Нет, далеко не всегда! Кукушкам часто приходится довольствоваться гнездами, в которых лежат мало похожие или даже совсем не похожие на ее собственные яйца. И тогда, как бы незаметно ни было подложено яйцо, маленькие птички всеми силами стараются от него избавиться. Пеночки пытаются его выкатить, а если им это не удается, бросают гнездо и улетают искать другое место. У конька хватает силы выкатить яйцо из гнезда, славки его выбрасывают. Конечно, если бы все птицы, к которым кукушка подбрасывает свои яйца, вели себя подобным образом, кукушиный род давно бы прекратил существование. Но дело в том, что кукушка может подбросить свое яйцо в гнездо тех же пеночек, коньков и славок не в первые дни насиживания, когда птицы внимательно следят за своей кладкой, а где-нибудь в середине, когда, «рассидевшись», они уже сидят на чем угодно, даже на яйцах, искусственно выкрашенных в ярко-красный цвет, а не только на кукушиных! Но даже если ей и в этом случае не повезет, кукушиный род не исчезнет. Погибшие яйца вполне компенсируются тем количеством, которое кукушка откладывает за сезон, а откладывает она яиц немало — до пятнадцати.

Но вернемся к гнезду. Среди грязно-розоватых с пятнышками яиц зарянки теперь лежит более крупное зеленоватое яйцо кукушки. Почему зарянка так равнодушна к чужому яйцу, хотя оно и появилось, когда она еще сама продолжала откладывать яйца? Дело в том, что зарянки гнездятся в норах, дуплах, и для них цвет яиц не имеет существенного значения. Зарянка без возражений примется насиживать яйца, выкрашенные в самые яркие цвета.

Так и сложилось это содружество: с одной стороны, кукушка, которая ценит хорошо укрытые, незаметные гнезда, а с другой — зарянка, которой безразличен цвет яиц в ее гнезде.

Маленькая птичка с оранжевой грудкой прилежно насиживает яйца. Она часто переворачивает их и меняет местами, слегка постукивает по ним клювом, прижимается головкой к скорлупе. Только птичье ухо

может уловить, что в самом крупном яйце раздается тихое потрескивание. Вот на зеленоватой скорлупе, ближе к тупому концу, появляется трещинка, одна, другая... Трещинки опоясывают все яйцо, и в маленьком отверстии скорлупы появляется клюв птенца, который изнутри пытается открыть свою темницу. Птенец старается изо всех сил. Наконец головой, плечиками ему удается приподнять верхнюю половинку. И тогда на помощь приходит зарянка: она клювом подхватывает скорлупку и уносит ее далеко

в заросли. А кукушонок тем временем с неожиданной для такого крошечного существа энергией старается выкарабкаться из оставшейся половинки скорлупы. Как только это ему удается, зарянка выбрасывает и этот кусочек.

С того момента, как зарянка села насиживать яйца, и до того, как кукушонок приподнял головой зеленоватую крышечку, проходит одиннадцать-двенадцать дней. А птенцы любой мелкой воробьиной птицы появляются на один-два дня позже. Так что наш кукушонок родился раньше своих сводных братьев и сестер. Распластавшись на яйцах зарянки, вытянув шею и раскинув крылья, будто стараясь обнять все, что находится в гнезде, лежит маленький, совершенно голый красный кукушонок.

Зарянка продолжает насиживать, но временами она приподнимается на лапках и подолгу смотрит на кукушонка, а он тянет вверх голову на тонкой дрожащей шейке. И тогда как-то неуверенно самка вкладывает в его широко открытый оранжевый рот свой пустой клюв. Потом она вдруг стремительно улетает и возвращается с кормом.

Уже на следующий день кукушонок заметно вырос. Его совсем голое тело приобретает зловещий оттенок. На спине явственно проступает углубление. Движения кукушонка становятся стремительными: то он запрокидывает голову за спину, то заносит назад крылья, то делает резкое движение всем корпусом, отчего переворачивается через голову и некоторое время лежит неподвижно, распластавшись на яйцах, набираясь новых сил.

Проходит еще несколько часов. Обеспокоенная зарянка поднимается с гнезда и устраивается на его бортике. В это время разыгрывается одна из самых удивительных трагедий, которые происходят в сложном птичьем царстве. У самого борта гнезда появляется кукушонок. В ложбинке на его спине удобно лежит яйцо, голова птенца подогнута куда-то под туловище, и он опирается ею о дно гнезда. Затем кукушонок делает резкое движение всем туловищем — и яйцо выкатывается за борт гнезда. А зарянка? Зарянка возвращается в гнездо и продолжает прилежно насиживать.

Днем позже начали выводиться птенцы зарянки, и тогда родители стали более регулярно летать за кормом. Вот когда кукушонку пригодилась его способность в ответ на любое событие поднимать вверх голову и, широко открыв клюв, выпрашивать корм. Он тянется навстречу прилетевшей зарянке, и, прежде чем ее крошечные птенцы мобилизуют свой скудный жизненный опыт и поднимутся навстречу родителям, кукушонок уже вытянулся, напрягся и, опираясь на их плечи, высоко поднял свою оранжевоклювую голову. Для большей убедительности он теперь начал подавать голос. И не следует удивляться, что именно он получает львиную долю всех насекомых, принесенных родителями. После обеда наступает недолгий отдых. Кукушонок мирно лежит среди птенцов, которые доверчиво кладут ему на шею свои обреченные на гибель головы.

Отдохнув, кукушонок снова приступает к братоубийственной деятельности. На этот раз в ложбинке на его спине лежит птенец, и кукушонок заботливо поддерживает его крыльями. Еще два дня, и все птенцы зарянки один за другим скатываются по склону канавки.

Да, первые четыре-пять дней в жизни кукушонка особенно богаты событиями. В эти дни решается его судьба: он должен успеть выбросить из гнезда все яйца или птенцов своих приемных родителей, ибо только тогда маленькие птички сумеют выкормить бурно растущего и на редкость прожорливого птенца. Заметим, что страшный инстинкт выбрасывания владеет кукушонком только эти первые дни, пока тело его не начало опериться. Позже он совершенно утратит способность выбрасывать из гнезда любой предмет, который прикоснется к коже его спины или боков.

Вот и подходит к концу скрытая от глаз лесная трагедия, разыгравшаяся под корнями старой березы. Кукушонок остался один в маленькой норке на склоне канавы. Он быстро растет и покрывается какими-то странными пучками перьев, торчащими в разные стороны. Даже самый доброжелательный орнитолог не назовет его красивым. Особенно бросаются в глаза белые кисточки на лбу. Вероятно, они сохранились от тех времен, когда кукушки еще гнездились в дуплах и белые пятна помогали им различать птенцов в темноте.

Проходит еще несколько дней, и кукушонок уже не помещается в скромном гнезде зарянки. Теперь он просто сидит на склоне, и прилетающие с кормом птицы становятся ему на спину и оттуда кормят его, глубоко засовывая голову в широко раскрытый клюв птенца. А он при этом весь трясется и издает необыкновенно мелодичное стрекотание. Оставшись один, он смотрит на открывшийся перед ним мир. Провожает глазами пролетающих насекомых. А когда косой солнечный луч, пробившись сквозь листву, падает прямо на кукушонка, он пятится в гущу и сидит там до тех пор, пока не погаснут вечерние краски. Тогда он возвращается на старое место. От дождя кукушонок прячется под низко склонившейся веткой орешника. А когда ему кажется, что зарянки небрежно относятся к своим обязанностям, он принимается кричать. Кричит он громко, довольно мелодично, но по крику нельзя определить местонахождение кукушонка: то кажется, что он кричит с одной стороны, то с совершенно противоположной.

Как-то, шурша прошлогодней листвой, на склоне канавы появился уж. Трудно сказать, на что он рассчитывал, но путь свой держал прямо на кукушонка. И тогда птенец взъерошил перья на голове, отчего она стала казаться непомерно большой, резко цвиркнул и, расправив крылья, ринулся на змею. Он только один раз ударил ее клювом, но этого было достаточно: уж скатился на дно канавки и скрылся в зарослях. Двадцать дней прошло с того дня, как маленький кукушонок поднял крышечку из яичной скорлупы своей головой. Теперь это крупный светло-серый полосатый птенец. Еще больше бросается в глаза несоответствие между большим птенцом кукушки и маленькими зарянками.

А однажды днем кукушонок сдвинется со своего места раз, другой и полетит над самой землей вдоль канавы. А за ним, гонимые слепым инстинктом, устремятся зарянки, которые еще две-три недели будут опекать и кормить этого совершенно чужого им птенца.

Е. ДЕРИМ-ОГЛУ,
доктор биологических наук

— Рад снова видеть вас, уважаемые Почемучки, в этот весенний день. Должен немедленно сообщить вам одну новость.

Разрешите мне именно с этого начать наше сегодняшнее заседание Клуба.

Памяти Ленина

В далекой туманной Голландии есть небольшой город Лиссе. Здесь живет известный селекционер Д. Лефебер. Им выведено много красивых сортов гиацинтов, нарциссов и других цветочных луковичных растений. Но больше всего селекционер работает с тюльпанами. И это не случайно. Ведь в Голландии тюльпаны — самые любимые цветы. За свою жизнь Д. Лефебер вывел множество новых сортов тюльпанов. Их знают во всем мире. Особенно прекрасны сорта: Юрий Гагарин, Галина Уланова, Академик Цицин, Большой театр, Москва, Апельдорн.

Голландский селекционер хорошо знает нашу страну. В молодости Д. Лефебер как дипломатический курьер был послан в Петроград. Здесь он в 1917 году оказался свидетелем исторических событий Октября. С большим интересом и симпатией отнесся он к новой России.

Недавно прославленный цветовод вывел новый чудесный тюльпан и назвал его Памяти Ленина. У тюльпана крупный ярко-алый цветок. В Голландии ведется официальный «Главный регистр тюльпанов». И недавно новый сорт был там зарегистрирован.

— За долгие годы мне довелось вывести немало новых сортов тюльпанов, — рассказывал Д. Лефебер, — но цветок Памяти Ленина по праву может считаться самым красивым из них. Для того чтобы вывести этот сорт, потребовалось несколько лет напряженных творческих поисков...

Первые сто луковиц сорта Памяти Ленина Д. Лефебер прислал в дар Москве. Он просил посадить их в одном из районов столицы. Осенью они были высажены у памятника В. И. Ленину в кремлевском сквере. Луковицы благополучно перезимовали, и скоро вы увидите чудесные ярко-алые тюльпаны в цвету.

— Находчивость — великая вещь! Однако вношу некоторое существенное добавление: находчивость и умение удивляться!

Да, да, я глубоко убежден, что именно эти качества и позволяют ученым постоянно изумлять мир своими открытиями. И, смею утверждать, ни одному ученому не чужда фантазия.

Это говорю вам я, барон Мюнхгаузен. Ведь недаром поется в моей любимой песенке: «Знают взрослые и дети, я правдивей всех на свете!»

Однако вернемся к чудесам, к открытиям ученых.

Сегодня мне пришла в голову блестящая мысль. Я приглашаю всех присутствующих (всех читающих эту страничку) отправиться в путешествие, а посему попрошу нашего мудрейшего члена Клуба Почемучек, старейшего достопочтенного Хоттабыча оказать любезность и выделить несколько драгоценных волос из своей волшебной бороды.

И тогда...

— О, ты болтлив, как сто сорок, почтенный Мюнхгаузен ибн Почемучка. Укроти поток слов своих и скажи, куда надо перенести твоих юных мудрецов.

— Вы удивительно добры, джинн, и мы не замедлим воспользоваться вашей любезностью. Перенесите нас в тайгу. Там, говорят, нашли невидимку, который угрожает не только животным, а даже людям...

Немножко фантазии, друзья, и мы вместе с кандидатом медицинских наук Маргаритой Дмитриевной Крыловой уже в далеком дремучем лесу.

Клуб Почемучек

Как искали невидимку

Весной, когда стает снег, тайга просыпается. В воздухе звенят первые голоса птиц. Под елями и соснами деловито снуют рыжие муравьи. На полянках пробиваются зеленые усики травинок.

Вместе с лесом просыпается в чащобах грозная болезнь. Странны повадки таежного разбойника. Болезнь нападала не на слабых, детей и стариков. Среди самых молодых и крепких отбирала хозяйка тайги свои жертвы.

Беда обрушивалась внезапно. Сраженный внутренним жаром человек быстро терял сознание. Болезнь была мучительна. Голова казалась зажатой в гигантские тиски. Малейший поворот глаз — и начиналась жестокая рвота. Врачи ничем не могли задержать стремительное приближение рокового исхода.

Ясно было лишь одно — недуг поражает мозг. Все остальное — гора загадок.

На штурм таинственного врага поспешили советские охотники за микробами. Так началась схватка ученых с таинственной болезнью.

В самом сердце тайги бок о бок сражались с неведомой болезнью микробиологи, вирусологи, энтомологи, зоологи. Работа была не из легких. Шаг за шагом вырывали ученые у болезни ее тайны. И вот наконец первая победа. Убийца лесорубов пойман!

Им оказался крохотный вирус, которого и в микроскоп-то не увидишь.

Как попадает невидимый убийца к своей жертве, разгадали энтомологи и вирусологи.

На заметку брали всех насекомых. Но клещи казались ученым самыми подозрительными. И не случайно. Ведь на их счету целая пригоршня преступлений.

Клещи есть во всех лесах нашей страны. И жизнь их полна удивительных событий и превращений. Зимуют они на почве под теплой шубой из прошлогодней листвы. Здесь они дремлют, пока не стает снег и не пригреет солнце. Но с первым теплом обитатели подстилки просыпаются, гонимые голодом, вползают на стебли трав и кустарников.

Рис. Е. Позднева

Чаще всего клещ поджидает добычу на травах, растущих по обочинам тропинок. Так он может сидеть месяцами. Но, чу! Задев ветку, пробежал бурундук. И клещ мгновенно впился острыми коготками в шерсть животного. Если повезло, клещ сосет свою жертву без перерыва несколько дней.

Жаден маленький кровопийца! Но его можно и понять: ведь клещи способны голодать... годами. Да, да! Рассказывают, что в лаборатории академика Евгения Никаноровича Павловского в пробирке сидел зараженный возвратным тифом клещ, которого не кормили в течение 14 лет. На этой пробирке даже была такая надпись: «Кто — кого?» И знаете, клещ «одолел» ученых! Когда его наконец накормили, пустив напиться крови морской свинки, он не только оказался живым, но и заразил свою кормилицу возвратным тифом. 14 лет он хранил в себе микроба возвратного тифа.

Опасен не всякий клещ и даже не сам по себе клещ. Опасен виновник грозной болезни — вирус, что гнездится в теле клеща и его потомков. Клещи получают вирус от зверей — обитателей леса. Он живет в клещах в течение всей его жизни (а длится она несколько лет). Клещ награждает вирусом также свое потомство (а откладывает самка до 3—8 тысяч яиц за раз!). Вот почему гнездо клещей на многие годы может превращаться в хранилище вирусов клещевого энцефалита.

Но, по счастью, не во всех лесах клещи одинаково опасны, и не все клещи в лесу, где даже встречается клещевой энцефалит, могут носить в себе вирус. Случается, что на сотню и даже на тысячу клещей лишь один носит в себе вирус.

Битва с энцефалитом — это битва с клещами. Надо прежде всего лишить их убежища, разрушить их дома. Вот почему вокруг сел, лесных дач, пионерских лагерей расчищают лес. В светлом расчищенном лесу клещи попадаются редко. Обочины лесных троп и дорог очищают от растительности, обрабатывают противоклещевыми химическими средствами.

Но у советской медицины есть и другие надежные средства защиты от клещевого энцефалита. Ученые получили эффективную вакцину против клещевого энцефалита. Геологам, лесорубам, лесникам делают прививки, которые на год предохраняют их от заражения. И не так уж далеко то время, когда грозный хозяин тайги навсегда покинет свои владения.

— Что вы на это скажете, друзья мои? Правда, меня лично этим не удивишь. Помню, однажды...

Я забрел в сад к ночи. Собственно, садом его уже было трудно назвать. Ни цветов, ни листьев. Все съедено прожорливыми насекомыми. Я присел и задремал, ибо подобные насекомые мне ничем не угрожали. Вдруг ослепительный свет ударил мне в глаза. Я вскочил, готовый защищаться, но... ни души кругом. Уснуть я уже не смог и кое-как дождался утра, чтобы тронуться в путь.

Возвращаясь, я шел мимо этого же сада. Каково же было мое изумление, когда я на том же самом месте увидел... цветущий сад! Там работали люди. Я обратился к ним за разъяснением, и все мгновенно прояснилось.

— Не томи, Мюнхгаузен, назови имя волшебника, оживившего сад.

— Терпенье, мой друг, терпенье. Помоги лучше нам перенестись в Институт прикладной физики Академии наук Молдавской ССР, и тебе все станет ясно.

Электрический сторож

Насекомые летят на свет. Это простейшее явление и решили использовать молдавские ученые: академик, лауреат Государственной премии П. Р. Лазаренко и научные сотрудники института С. М. Чернобровина и С. И. Гнилюк. Вдоль решетчатой ограды сада они установили мощные лампы, а через ограду пропустили ток. Лампы горели всю ночь. К утру около них была груда погибших насекомых. Эксперимент повторили в колхозе «Красный садовод» Тираспольского района. Сад там был настолько поражен вредителями, что его считали погибшим. И вдруг сад ожил! Вредителей не стало. Казалось, совершилось чудо.

Многочисленные опыты молдавских ученых показали, что лучше использовать не обычный электрический свет, а ультрафиолетовый. Именно на этот свет летят почти все насекомые. Лампы следует включать не на всю ночь, а только с девяти вечера до двенадцати ночи, когда особенно много летает насекомых. Лампы нужны не всякие, а только определенной мощности.

Первые сообщения об успехе молдавских ученых вызвали огромный приток писем в институт. Геологи просили сообщить, нельзя ли использовать этот метод для борьбы с гнусом и мошкарой в тайге. Любители-садоводы просили срочно выслать им такие лампы. Рыбаки запрашивали, нельзя ли с помощью этих ламп ловить рыбу.

Теперь, как показали опыты, в борьбе с вредными насекомыми можно обойтись и без ядохимикатов.

— Не правда ли, весьма любопытно? Впрочем, с тех пор как я стал заглядывать в лаборатории ученых, со мной случались чудеса и почище.

Не далее как вчера во время прогулки в горы откуда ни возьмись мне навстречу выскочил огромный пес и, не обращая на меня ни малейшего внимания, пронесся вперед, словно учуял дичь. Мое сердце охотника дрогнуло, и я, едва поспевая, устремился следом, на ходу соображая, чем зарядить ружье. Я уже нащупал в кармане несколько орехов, как вдруг собака остановилась перед кучей камней будто вкопанная. Я вскинул ружье.

Собака с остервенением рыла камни, землю, снова камни... И можете себе представить мое удивление, когда она, схватив чем-то понравившийся ей булыжник, опрометью кинулась бежать. Другой на моем месте просто бы растерялся, но я человек находчивый. Вы думаете, как я поступил? Очень просто. Побежал следом.

Я не стану больше испытывать ваше любопытство.

Хоттабыч, в путь! На Сям-озеро.

Мурат идет по следу

В начале июля из Петрозаводска в тайгу приехали геологи, рабочие, ученые-физиологи и специалисты по дрессировке служебных собак. Вместе с ними в окрестности Сям-озера, где был разбит палаточный городок, прибыло несколько собак. Впервые в Советском Союзе ставился эксперимент с собаками-геологами. Да, да, я не оговорился. Именно геологами. Все привыкли к тому, что собаки служат на границе, ловят преступников, во время войны отыскивают мины, спрятанные в земле, а тут вдруг собака-геолог. Есть чему удивляться!

Научным консультантом эксперимента был Александр Павлович Орлов, один из создателей миннорозыскной службы, руководил работой всей группы профессор Георгий Аркадьевич Васильев.

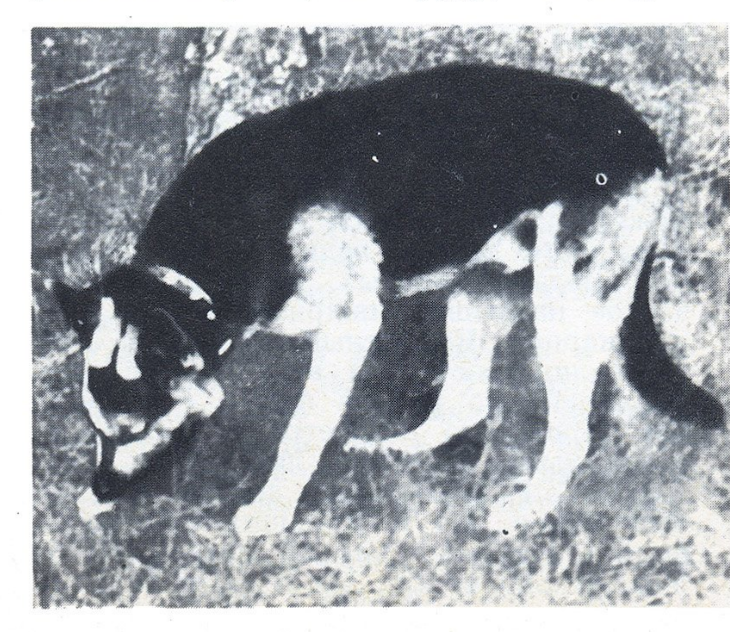
Рано утром лагерь пустел: все уходили на занятия в тайгу. Собак учили находить серный колчедан (пирит), которым особенно богата Карелия.

Дав собаке понюхать кусочек руды, проводник приказывает: «Ищи!» Пес, сорвавшись с места, отправляется на поиск. Он прекрасно знает, что за каждый найденный им кусок руды получит от своего наставника лакомство: мясо или колбасу. Но лес большой, найти пирит не так просто. Долго бегает пес, тщательно принюхиваясь к лесным запахам. Где-то здесь спрятана руда, но где? Быстро работают лапы, летят куски пустой породы. Вот наконец и руда. Довольный находкой пес звонко лает. К нему подходит проводник, забирает найденный кусок и дает лакомство: ничего не поделаешь, заслужил! И опять бежит по лесу собака, а сзади не спеша идет человек. Пробегая мимо поваленного бурей дерева, пес опять чует знакомый запах, но камней поблизости нет. Собака беспокойно кружит вокруг подозрительного места. Откуда же все-таки запах? Может быть, из-под земли? И собака начинает разгребать землю. Через несколько секунд раздается ее победный лай: руда найдена, можно бежать дальше.

И вот уже все куски руды, спрятанные человеком, найдены. Небольшой отдых — и все начинается сначала.

Рабочий день близился к концу, проводники со своими мохнатыми воспитанниками один за другим возвращались в лагерь. Последним пришел хозяин Мурата. С собой он принес большой заросший мхом камень. Выждав, когда освободится геолог экспедиции, проводник попросил его посмотреть находку. «Откуда это у вас?» — спросил геолог. «Пес нашел». И рассказал, как было дело.

— Я уже собрался возвращаться в лагерь, — начал хозяин. — Собака работала хорошо, всю руду, что я два

дня назад спрятал, нашла быстро. Вдруг смотрю, пес сидит возле груды камней. Я его позвал, а он не идет. Руду я там не прятал. Все-таки подошел, посмотрел. У лап Мурата лежал вот этот камень, — он показал на руду на столе. — Пришлось взять его с собой. Оказывается, не ошиблась собака, дельное нашла.

Весь следующий день прошел в волнении. Все носили к геологу на суд образцы находок. Но как оказалось, волновались напрасно. Все принесенные образцы содержали руду. Так блестяще закончился эксперимент. Собаки-геологи помогли людям уточнить месторасположение рудных тел на больших участках тайги.

— Что вы знаете об инжирном дереве? У него вкусные плоды? И все?

Представьте себе, ученых очень заинтересовали не плоды этого дерева, а листья.

Трудолюбивое дерево

Если у вас дома растет фикус, вы можете познакомиться с родственником инжирного дерева: ведь оба они из одного рода фикусовых. Недаром ботаническое название инжирного дерева фикус карика. Комнатный фикус не так уж велик ростом, а ведь он растение джунглей. На родине фикус — огромное дерево, до 30 метров высотой и с длинными, до метра, листьями.

В СССР инжирные деревья растут поскромнее. Но и у наших смоковниц высота достигает 12—15 метров, а доживают они до ста лет и даже больше.

Инжирное дерево трудится долго и неутомимо: оно приносит плоды полвека, а то и больше. Инжир даже плодоносит в комнате.

Плоды инжирного дерева (их еще называют фигами или просто инжиром) обладают нежным, приятным вкусом. Они содержат белки, кислоты, витамины. В инжире много сахара: от 13 до 20 процентов, и еще больше воды — до 80 процентов. Поэтому в свежем виде плоды хранить нельзя. Их сушат и вялят. В сушеном инжире сахара становится еще больше.

Оказывается, листья инжирного дерева и особенно молодые побеги содержат сок, обладающий удивительным свойством улучшать качество мяса. Не правда ли, странно? Что общего между соком инжирных листьев и мясным бифштексом? Чтобы понять эту связь, придется на минуту-другую прервать наш рассказ об инжире и кое-что рассказать о мясе.

Дело в том, что мясо мясу рознь. Бывает мясо нежное, сочное. Его можно и тушить, и жарить. Но бывает мясо жесткое. Однако есть вещества (их называют ферментами), которые способны расщеплять сложные и грубые белки жесткого мяса и тем самым размягчать его, делать мясо сочным и нежным. Препараты, обладающие такими свойствами, называют бромелином, папаином и фицином. Первые два добывают из сока некоторых тропических растений (ананаса, дынного дерева). Фицин можно получить из сока инжирных листьев.

Из молодых побегов инжира извлекают сок, который затем подвергают довольно сложной переработке и, в конце концов, получают порошок. Стоит кусок жесткого мяса посыпать этим порошком или облить раствором фицина, и на ваших глазах происходит чудо. Было мясо грубым, жестким, несъедобным, а стало нежным и сочным! А это очень важно и ценно. Вот почему ученые так заинтересовались листьями инжирного дерева и разработали способ получения чудодейственного порошка — фицина.

— Не ошибусь, если предположу, что вы, друзья мои, уже давно с удивлением думаете: а не забыл ли старый Мюнхгаузен о заданиях для нас?

Нет, ибо Мюнхгаузен никогда не отличался рассеянностью.

Должен напомнить: нет времени на долгие разговоры. Нас ждут в Институте биологии внутренних вод АН СССР.

Несколько забегая вперед, скажу, что именно там для вас приготовлено одно немаловажное задание.

Рыбалка с... протоколом

Нет ничего удивительного, что в непогоду одни рыбы уходят в глубину, другие выныривают на поверхность, третьи, судя по клеву, наедаются на черный день, четвертые, наоборот, объявляют рыбью голодовку. Обитатели вод разные, и в зависимости от погоды они по-разному ведут себя.

Так-то так... Но ведь поведение многих животных меняется в зависимости не от сегодняшней погоды, а от той, которая наступит завтра или послезавтра, а то даже через несколько дней.

Может, животные потому способны предвидеть изменения погоды, что они ощущают колебания магнитного поля, которые обычно происходят раньше, чем меняется погода.

Вот почему мы, ихтиологи из Института биологии внутренних вод, обращаемся к вам, ребята, с просьбой: ловите всяких рыбешек, но только с умом, по науке. А о результатах сообщайте нам в институт.

Что же это за ловля по науке?

Вы завтра собираетесь пойти на рыбалку. А сегодня занесите в журнал наблюдений все о сегодняшней погоде. И какое небо — пасмурное, облачное или ясное. И какая температура воздуха и воды. Дул ли ветер или нет. Неплохо указать и атмосферное давление.

Наступило «завтра» — день лова. Опять укажите в протоколе данные о погоде. И расскажите, как шел клев. Сколько рыбешек и на какой глубине вы поймали за час, сколько среди них было самцов и сколько самочек. И уж конечно, не забудьте указать названия реки, района, области, где вы ловили.

Допустим, на третий день вы не собираетесь идти на рыбалку. Что ж, не надо. Но журнал наблюдений продолжайте вести. Укажите состояние погоды и на четвертый день, и на пятый.

Однако надо учесть вот что: если вы сегодня заносите в журнал данные по красноперкам, а завтра переключаетесь на уклеек, жерехов или сомов, то ваши исследования будут бесполезны для науки: данные ваши нельзя будет сопоставить друг с другом.

Наблюдать надо за представителями одного вида. И ловить в один и тот же час, с одного и того же места, одним и тем же крючком и способом. И шум на берегу, и цвет поплавка, и запах приманки — все может повлиять на улов и сделать опыт «нечистым».

Когда же у вас накопится много наблюдений, то сопоставьте их и сделайте выводы. И может, уже на следующий год вы будете говорить: «По сведениям, полученным от премудрого пескаря, завтра будет дождь». И все поверят вашим прогнозам.

Если у вас накопилось много наблюдений и сделаны они были аккуратно и добросовестно, то посылайте свои протоколы в Институт биологии внутренних вод АН СССР (Ярославская область, Некоузский р-н, п/о Борок).

Когда у ученых соберется огромное количество данных по разным рыбам и по разным водоемам и дням, то они обработают эти данные. Затем получат из обсерваторий страны сведения о состоянии магнитного поля Земли для каждого места и дня наблюдений и поручат вычислительной машине произвести подсчеты.

Пройдет время — и метеорологи научатся передавать погоду не только по данным, поступающим из разных наземных и космических станций, но и по поведению рыб, птиц, зверей, насекомых. И хотя никто никогда не скажет по радио: «Предсказание погоды было осуществлено по методике, в составлении которой принимал участие ученик такой-то школы», вы-то ведь будете знать, что тут есть и ваш вклад!

Представьте себе, вас ожидает задание, которое я приберег специально к сегодняшнему заседанию.

Друзья мои! А не захотелось ли вам удивить своего старого и верного друга Мюнхгаузена, рассказав ему о собственных открытиях, опытах, которые (мне это точно известно!) многие из вас ведут под наблюдением ученых и по их заданию.

О, я понимаю, скромность — лучшее качество Почемучки, и, вероятно, вам не хочется до поры до времени открывать свои тайны. Но я сгораю от нетерпения узнать о ваших опытах или опытах ваших друзей. Умоляю, будьте откровенны со своим другом Мюнхгаузеном. Доверьте мне и свои успехи, и свои неудачи.

Уверяю, любой ваш рассказ о поисках, работах по заданию ученых, а особенно интересно написанный, доставит великую радость мне, а также всем Почемучкам, поскольку одно из заседаний Клуба будет посвящено «защите диссертаций».

Прошу на конвертах с этими сообщениями ставить условный знак: «ЗД».

КЛАД

В середине мая я ночевал у Ильина камня. С вечера было хорошо. Я вскипятил чай в закопченном солдатском котелке, для вкуса и цвета добавил туда корешок шиповника, напился горячего чая со ржаным хлебом и заснул у костра.

Проснулся от немыслимого холода. Костер погас, да и во мне тепла нигде не осталось — все одеревенело. Родник разговаривал по-другому — злее и звонче. Вроде бы светало, а на самом деле выпал иней, и луга осветлели.

Костер я разжег, но спать опять побоялся и до утреннего клева сидел у огня.

А клева-то не было — рыбе, видимо, тоже не понравилось похолодание.

К обеду при солнышке луга отошли, «отудобели», как говорят в деревнях, и я поймал в Кривуше подряд семь плотных окуней.

Семь, сколько ни старался — ничего больше.

И я решил больше не рыбачить, а пообедать на берегу.

Я поставил котелок на огонь, разостлал на траве свой рыбацкий плащ, выложил на него все, что у меня было, — ломоть хлеба, луковицу, плавленый сырок в блестящей обертке, сахар, деревянную ложку и кружку.

И на солнышке после бессонной ночи задремал. Мало того, на недолгое время я заснул глубочайшим сном и пробудился оттого, что почувствовал близкое присутствие чужака.

Я открыл глаза.

Около моей левой руки ходила большая лохматая ворона. Наши взгляды встретились. В первый миг — это я помню отчетливо — она хотела долбануть меня по лбу своим толстым клювом за то, что рано проснулся и не дал ей вволю похозяйничать.

В следующий миг схватила со стола плавленый сырок в блестящей обертке и, обдав меня ветром, поднялась в воздух.

Она улетела без паники: с достоинством сделала разворот надо мной, по-видимому, с одной целью — убедиться, что больше у меня на столе ничего хорошего нет.

Я вскочил, хотел запустить в нее чем ни попадя, но сдержался.

Что теперь сделаешь?

Ворона все летела — издали было похоже, что она несет в клюве огонь.

Я заметил, что она снизилась в излуке и больше не показывалась. После обеда я пошел туда. Я знал, что вороны и сороки прячут яркие предметы в тайных местах, и подумал: «Что там, на излуке? Может быть, воронья кладовая?»

Излука была грязной отмелью в вороньих и куликовых следах, отрезанной от берега клинышком воды. Я оставил на берегу рыбацкое снаряжение, подтянул резиновые сапоги и все-таки почерпнул в них воды, перебрался на отмель и между двух камней обнаружил воронью спрятку.

Я бы ни за что ее не обнаружил, если бы она не была переполнена. А переполнил ее как раз мой сырок. Он лежал поверх лунки и выдавал себя, а заодно и все сокровища.

Вороне надо было унести его в другое место, но она не догадалась или пожадничала. Сырок не был расклеван: красота для птицы оказалась дороже еды.

Под сырком лежало вот что: желтая осиновая щепка; разорванный патрон двадцать восьмого калибра; несколько райских перышек, по-видимому, из самого яркого места на крыле селезня — зеркальца, пряжка от ремня и три монеты овальной формы.

Монеты были тонкие, с грузным лицом мужчины на одной стороне и нерусскими словами на другой.

Я не ювелир, не золотых дел мастер, а обыкновенный человек в отпуске. И все-таки я сразу подумал, что это золото высокой пробы: старые монеты горели тяжелым красным блеском.

Медь бы так не смогла.

Я спрятал их в нагрудный карман к запасной леске — карман оттянуло. Где их взяла ворона?

Надо спрятаться, невзирая на холод и усталость, ждать хоть неделю, дождаться вороны — она может вернуться с монетиной в клюве, проследить ее обратный полет, и клад не уйдет от меня!

Но вороны памятливы и подозрительны, и для осуществления операции «Клад» мне придется золото положить на место.

Одну монетку я все-таки взял с собой, прикрыл тайник плавленым сырком — положил его бочком, как и было, и, увязая в грязи, по своим следам вернулся на берег.

На берегу я вылил воду из сапог, выжал носки, переобулся и спрятался в тальниках.

А вороны все не было.

Я достал из кармана золотую монету и рассмотрел ее в подробностях — была она не особенно ровной, к рисунку пристала глина... Немного глины: не красной, а чуть изголуба.

Я отсидел ногу, проголодался и подумал: в конце концов, совсем не обязательно голодать и мерзнуть здесь. Не лучше ли сидеть в тепле, дожидаясь, пока ворона не перетаскает весь клад сюда? А потом

(Окончание см. на стр. 50)

Нет, это не пампасы Южной Америки, не холмистая саванна Африки, хотя только там привычна встреча с быстроногими антилопами-каннами и замечательным скороходом — страусом-нанду. Но этим пришельцам издалека хорошо живется в причерноморской степи. Аскания-Нова, заповедная украинская земля, стала им второй родиной.

Никто не удивляется теперь, встретив в Аскании-Нова грациозных лам с перуанских Анд, индийских пальгау, полосатых африканских зебр и царственных ибисов. Привычным стал для этой степи и пронзительный крик страуса-нанду. Издали замечают эти птицы врага, поэтому часто пасутся вместе с оленями.

Белой же куропатке из приполярной тундры зимой и прятаться не надо — так неприметна она на снегу.

КЛАД

(Окончание. Начало см. на стр. 47)

в теплый день прийти и одним разом забрать все золото.

Ворона так и не прилетела, только в потемках я добрался до дому, залез под одеяло, нагрел постель и с наслаждением заснул.

На другой день у меня не было никакого желания идти на рыбалку и выслеживать ворону. А вот на третий день...

Я проснулся очень рано и подумал, что медлить больше нельзя, собрался и скорым шагом добрался до излуки.

Я заглянул между двух камней и увидел пустоту. Ни осиновой щепки, ни патрона, ни перышек.

Испугалась ли хозяйка моих следов, или осторожная птица решила сменить тайник, поскольку этот переполнен. Кто знает?

— Ворона ты! — сказал я себе и пошел рыбачить.

Не рыбачилось мне, а думалось. Я замечал: если думается, рыба не балует рыболова, и слава богу. Зачем мешать человеку?

А думы мои были самые простые.

Первая, приятная — где клад? Какой он — сколько в нем золота и прочих драгоценностей?

Вторая, неприятная — я себе никогда не прощу за то, что испугался холода и дождя, проворонил ворону, а вместе с ней сокровища. Какой же я любитель природы?

Приятной думой я старался перебить неприятную, но у меня не получалось.

Где он, старинный клад?

На весновспашке выворотило его широким лемехом, только крякнул глиняный сосуд под сталью, и, как молодая картошка-скороспелка, высыпалось вдоль борозды веселое золото. Весенний дождик моет монеты, блестят они — сверху птицам хорошо видно.

А могло быть и по-другому. Подмывала берег хитрая протока Кривуша и вымыла из топкой глины одну денежку, вторую, третью — целую россыпь, в руках не унести. Лежит она под глухим яром, в мелкой воде, с берега не видно. Поверху шныряют мальки, гоняются за ними окуни, поднимая ужасную возню.

Я вставал, шел от удилищ на крутояр и оглядывался вокруг.

Морщилась под ветром красная протока Кривуша — бежала из Камы в Каму. На пригорке гудел трактор — наверное, сеял гречу. К сосновому бору прижалась деревня Танейка.

Все знакомо, все обсмотрено. Все, да не все!

Горят в земле клады, да такие, что и не снились людям. Только не надо бояться испачкать руки или не поспать вторую ночь.

А я испугался. Сейчас-то я храбрюсь, да храбрость моя копеечная. Храбрись-храбрись, запоздалый храбрец, маши кулаками после драки, вдруг да что и вымашешь! Только ворон не смеши больше, ладно?

Вот так я ругал себя разными обидными словами и думал большей частью невеселую думу.

И была мне от этого родная местность еще родней.

С. РОМАНОВСКИЙ

СТРОГИЙ ПАССАЖИР

Приходилось мне возить разных пассажиров. А такого еще не было. Возил и таких, да только с хозяином. Но в присутствии хозяина ни один пес не станет хулиганить в чужой квартире, в чужой автомашине. На этот же раз четвероногий пассажир ехал самостоятельно. Подсунула мне его на стоянке около Большого театра симпатичная женщина, видимо артистка, и попросила отвезти в Измайлово по адресу, написанному на бумажке. Долго умоляла:

— Песик заскучал по дому. А мне еще придется задержаться. До квартиры провожать его не надо. Высадите у подъезда, а там он сам дорогу найдет.

Ничего себе песик. Целая псина.

Это был огромный бульдог, откормленный, мордастый, надменный, чуточку подслеповатый. Видно, старый.

Пес сидел на заднем сиденье и хрипло дышал мне прямо в ухо. В зеркало я видел, как он внимательно следит за каждым моим движением. Каюсь, не люблю бульдогов. Очень уж они какие-то, мягко говоря, несимпатичные.

Закурить захотелось, а сигареты кончились. Остановил машину около табачного ларька и открыл дверцу, чтоб выйти. Вдруг мой пассажир как рявкнет мне в ухо. У меня аж поджилки затряслись. Пробкой выскочил из машины и поспешил захлопнуть дверцу.

Что тут началось! Пес брызгал слюной, надрываясь простуженным, надрывистым, остервенелым лаем.

Переждав минуту, я все же отошел от машины и купил в ларьке сигарет. Закурил. Влезать в машину боюсь. Пробовал

угомонить разъяренного зверюгу ласковыми словами. А он, видно, ласковых слов не понимает. Народ собрался. Одни ахают, другие смеются. А мне не до смеха.

Собравшиеся разные советы дают. А сами советчики и близко к машине подойти боятся, хотя на них пес и не лаял. Лаял он только на меня, чего-то требуя. Требовал он, как я догадался, чтоб я садился за руль и продолжал выполнять свои шоферские обязанности.

Была не была! Решительно распахнул дверцу и, закрыв глаза, привычно втиснулся на свое сиденье. Пес слегка поворчал и утих, довольный, что добился-таки своего. У меня отлегло от сердца. Осмелевшие зеваки, любопытствуя, стали подходить ближе. Теперь бульдог на них принялся рявкать. Когда машина тронулась, он умолк.

Придя в себя, я пробовал шутить с грозным пассажиром. Словесные шутки он принимал как должное. Но на его морде было написано: попробуй еще раз только сбежать от меня!

А попробовать мне очень хотелось. Забавным показалось поведение пса. Понимает ведь все, как и человек. Видно, не впервой ему ехать домой самостоятельно.

За квартал от его дома я остановил машину и весело проговорил:

— Вот мы и приехали!

Слов моих он, кажется, не понял. А когда я уцепился за ручку дверцы, над моим ухом снова раздался грозный рык. Казалось, он приказывал:

— Вези до места!

До чего изнеженное существо! Два шага не может пройти пешком. Ведь наверняка знакомые ему места. Гуляют же с ним хозяева по улице.

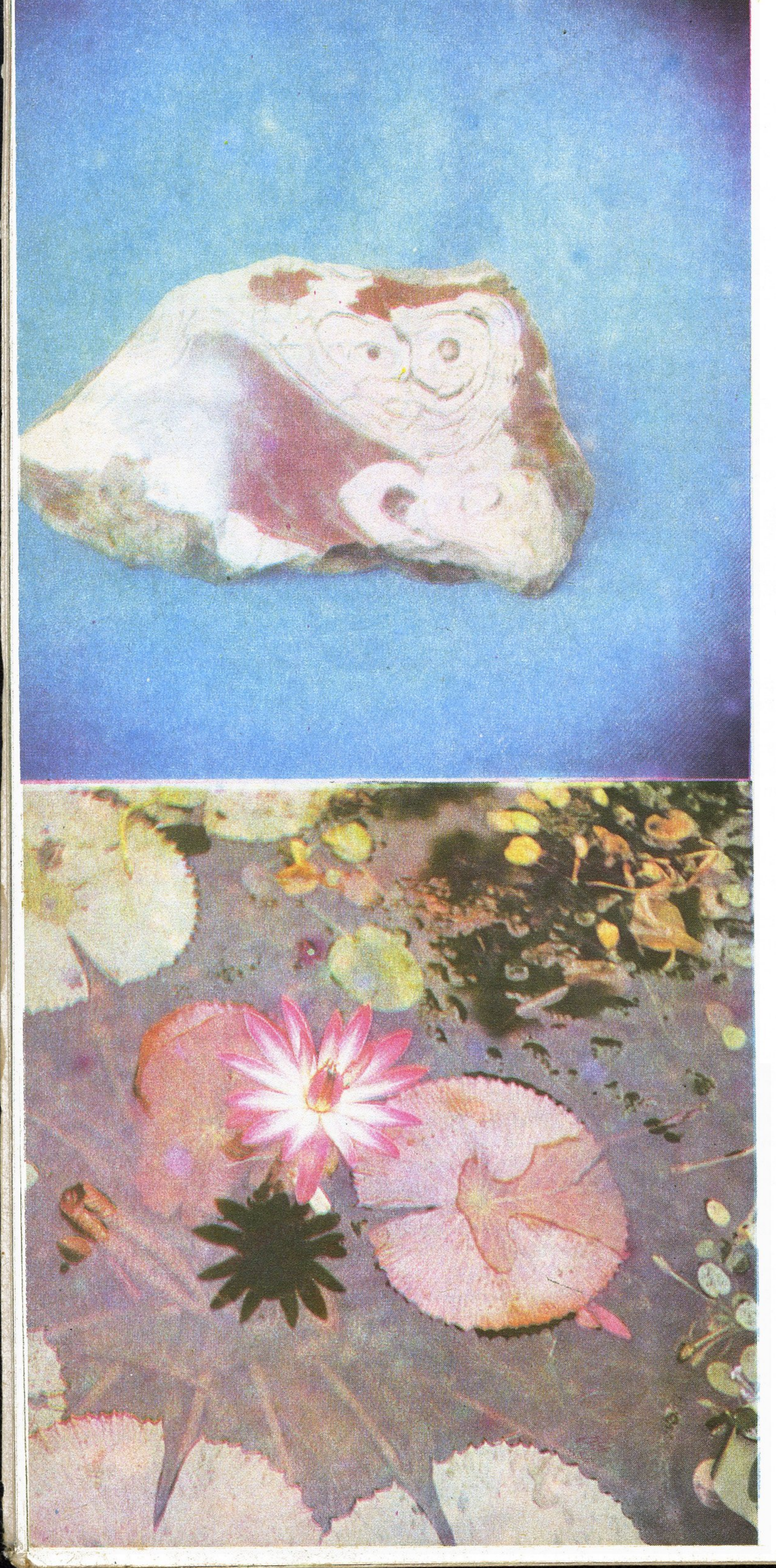
Пришлось везти. У подъезда он спокойно выпустил меня из машины и стал ждать, когда я открою ему заднюю дверцу. Признаться, я побаивался вначале, что он прыгнет через мою голову в переднюю дверцу. Но пес оказался воспитанным.

— Прошу! — шутливо проговорил я, распахивая дверцу.

Бульдог вышел из машины и скрылся в подъезде.

С тех пор я с уважением отношусь к бульдогам, хотя и по-прежнему недолюбливаю их.

А. СПИРИН

Ленинскими называем мы Ильменский и Астраханский государственные заповедники. Владимир Ильич Ленин подписал декрет о создании уникального заповедника на Урале, он поддержал астраханцев в их благородном деле охраны природы.

Первые советские заповедники! Сколько богатств сохранили они советскому народу, сколько интересных наблюдений и научных открытий родилось здесь!

Если бы пришлось рисовать эмблему этих заповедников, художник обязательно поместил бы на одной цветущий лотос, а на другой — красавцы самоцветы.

Внешне они не схожи — цветок астраханского лотоса и отграненная пластинка яшмы. Только загорится солнечный луч — и заиграет холодный камень мягкими переливами цвета, такими тонкими, что у живого цветка подчас не сыщешь. А то вдруг сложатся краски в такую картину, что ахнешь от удивления. Вот на отполированной поверхности камня оранжевое солнце скатывается в бирюзовое море, а здесь подмосковный ноябрьский лес сверкает первым пушистым снегом. И все это яшма. Недаром называют этот камень истинным «цветком земли».

Внешне они не схожи — цветок лотоса и отграненная пластинка яшмы. Но оба расскажут об удивительных заповедных краях земли нашей, в которых человек заботливо оберегает неповторимую красоту природы.

Ослепительная синева неба. Дерево у склона холма свесило ветви, замерев в чуть сонливом от зноя покое. Внизу, извиваясь, течет Пахра, маня прохладой голубых вод.

«Здесь каждый вершок — история, здесь каждый шаг — поле для благоговейного любования поколений». Эти слова Михаила Кольцова можно отнести ко всему в Горках Ленинских.

К парку примыкает фруктовый сад. В самом углу его, переплетая в причудливый узор тонкие ветви, стоят вишни. У них интересная история.

Шел 1923 год. Вся страна с тревогой следила за здоровьем В. И. Ленина. Рабочие Глуховского хлопчатобумажного комбината решили навестить больного Ильича. Делегаты привезли 18 маленьких вишен.

Из-за болезни Ленину было трудно говорить, но он так внимательно слушал, так живо реагировал на рассказы рабочих, что беседа казалась общей. Под конец зашел разговор о подарке. Владимир Ильич нахмурился, он не любил подарков. Но когда узнал, что это вишни, обрадовался.

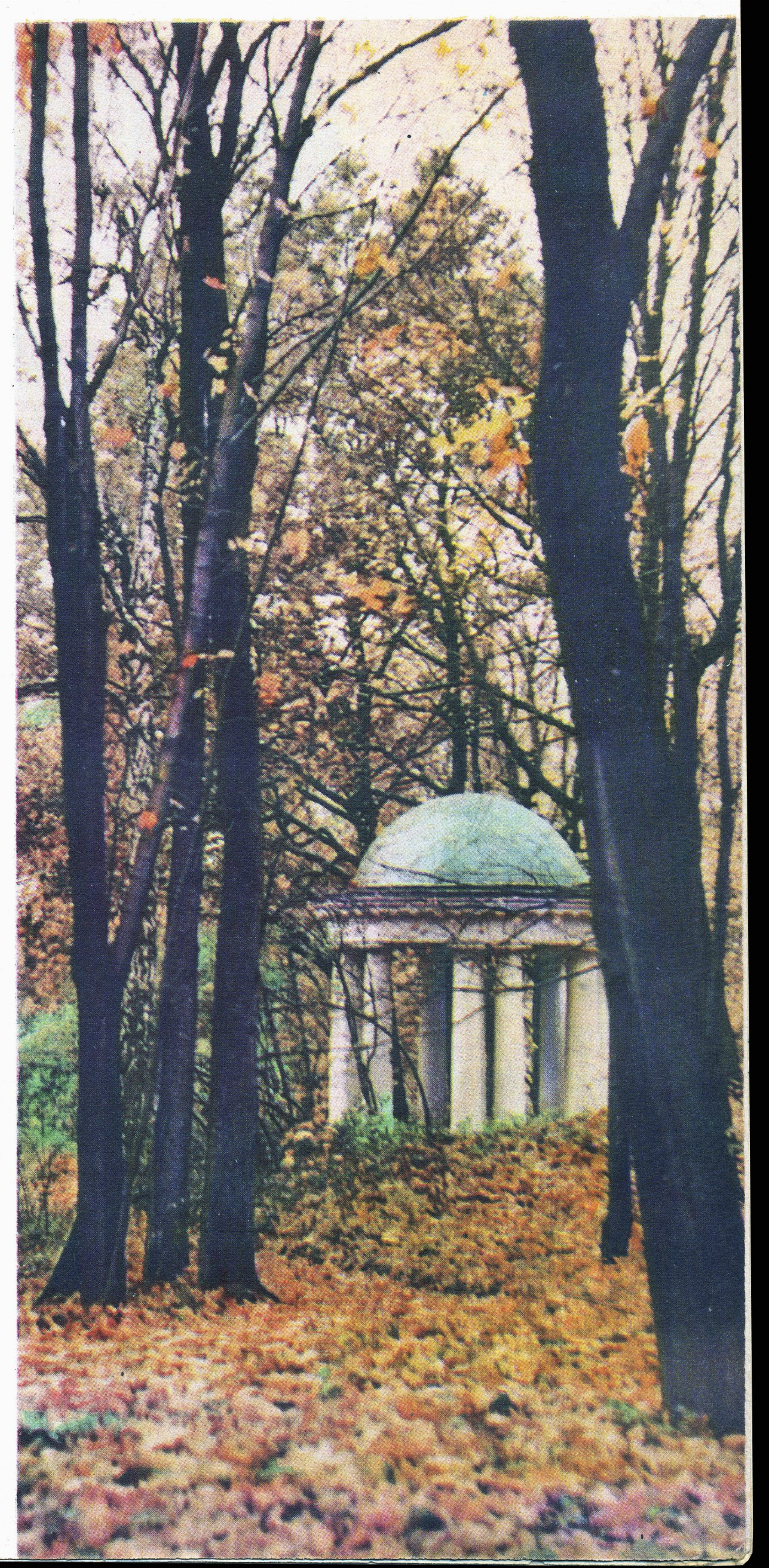
Пришло время прощаться. К Ленину подошел широкоплечий молотобоец Кузнецов. «Я рабочий-кузнец, Владимир Ильич, — сказал он. — Мы скуем все намеченное тобой».

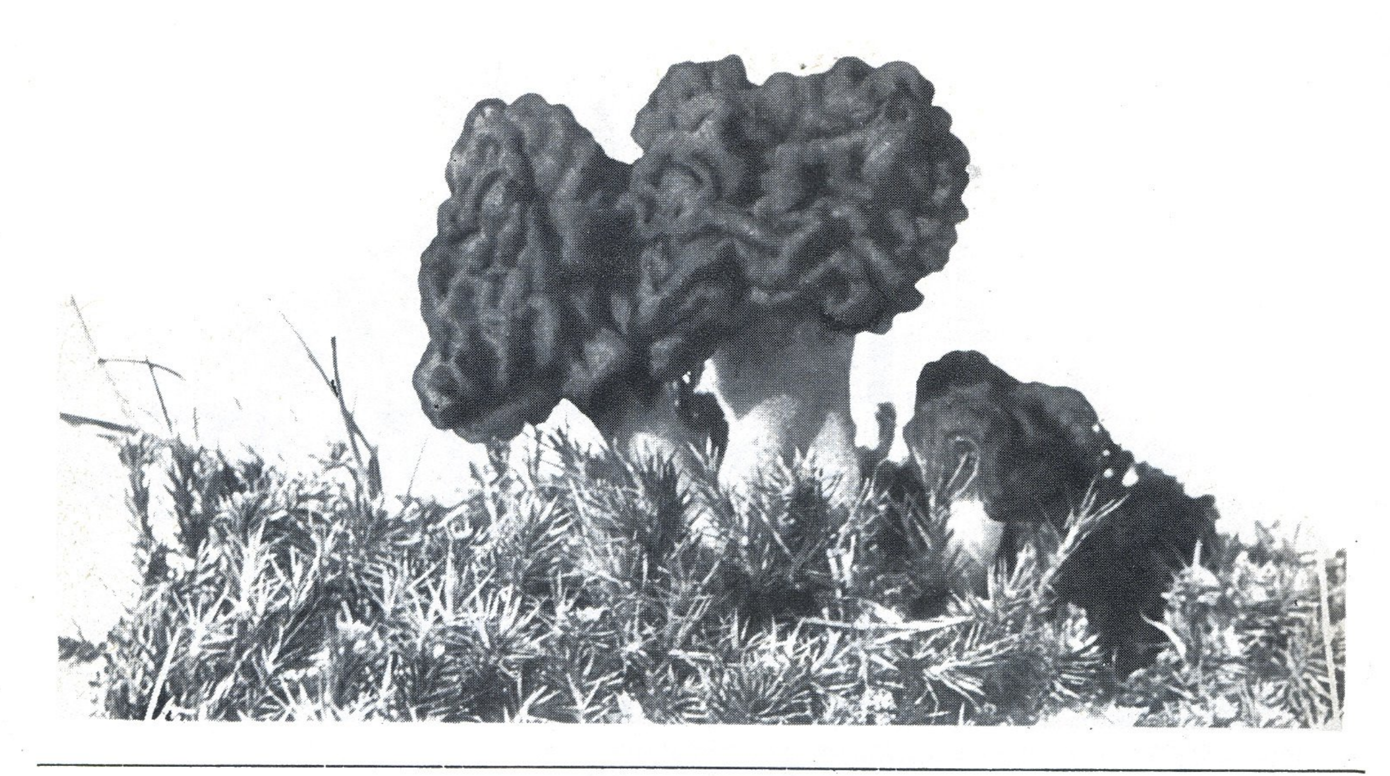
Саженцы посадили так, чтобы, гуляя по аллеям парка, Ильич мог любоваться цветущими вишнями.

Каждый год приезжают в Горки Ленинские школьники из Ногинска. Они окапывают вишни, подсаживают вместо старых, засохших молодые деревья.

Вечно цвести ленинскому саду!

Л. Волкова

СКАЗКА ВЕСЕННЕГО ЛЕСА

К этой встрече можно готовиться целую зиму, нетерпеливо отрывая листки календаря, можно старательно взвешивать все «за» и «против» неустойчивой весенней погоды, определяя решающий момент времени. Можно даже хорошо знать не только дорогу к заветным местам, но и самую сказку «в лицо». Можно быть готовым к любым неожиданностям. И все-таки...

И все-таки это сказка. Самая настоящая весенняя сказка живет в самом обыкновенном пригородном лесу.

Одно из лесных произведений — грибы. Встречи с грибами вообще никогда не бывают прозой. Они всегда связаны с разочарованиями или удачами, и это не может не волновать. Тем более остры такие ощущения, когда речь заходит о первых, весенних грибах года. Они своеобразны во всех отношениях. И прежде всего тем, что очень мало похожи... на грибы обычные, с детства всем знакомые. Растут эти необычные грибы именно там, где целое лето и осень ходят грибники. Сколько ни напрягай зрения и ни жди встречи, похожие на оригинальные елочные игрушки грибы возникают вдруг, словно по мановению волшебной палочки, где-нибудь на скате оврага или старого блиндажа, а то и прямо на усыпанной хвоей или сухими листьями лесной тропе. На ощупь — нежнейшие и бархатистые, на цвет — коричневые или совсем темные, на звук — гремящие, как изделия из пенопласта. Стоят удивительные ажурные пирамиды и ждут, чтобы кто-нибудь нашел их. И все равно каждый раз буквально потрясают своим неожиданным видом. Какое-то мгновение просто не укладывается в сознании, что все правильно: искал и нашел, вижу — сморчки конические.

У конического сморчка есть близкая «родня». Надо лишь свернуть в сыроватое чернолесье или ольшаник, пока еще не заполненный крапивой, кипреем и малиной. Где-нибудь по соседству с белоснежными куртинами ветреницы и нежно-голубой пролески можно отыскать так называемую сморчковую шапочку. Такая же сахарно-белая, словно сияющая изнутри, хрупкая ножка. Но цвет шляпки иной — оливковый, светло-коричневый. Да и «модель» не та. Очень метко подметили люди: что-то вроде небрежно напяленной бараньей папахи подгулявшего казака.

Ступенью ниже, однако все из того же семейства гельвелловых, стоит строчок обыкновенный. Троица, угодившая в поле зрения объектива, поселилась на кочке в осушенном торфяном болоте. Будто дубы кряжистые громоздятся на фоне безоблачного весеннего неба.

Однако чаще всего строчки попадаются по заброшенным лесным дорогам, порубам и сосновым полянам, где раньше стояли штабеля дров, по старым лесным гарям. Одним словом, там, где когда-либо побывал человек. То ли его деятельность создает благоприятные условия для существования этих грибов, то ли человек просто-напросто, сам того не подозревая, каким-то путем способствует их расселению.

Строчки приземисты. Обычно над рыжей подстилкой возвышаются только буроватые, коричневые или темно-коричневые совершенно немыслимой формы комки каких-то извилин. Наверное, за такую аморфность внешнего вида строчки в народе иногда еще называют «телячьими потрохами».

Случайно или нет, но сморчки конические и сморчковые шапочки рядом друг с другом находить приходилось не раз, а вот строчки и сморчки рядом — никогда.

Своеобразны сморчковые грибы. Внимание, конечно, прежде всего привлекает ячеистая у сморчков конических и извилистая у сморчковой шапочки и строчков шляпка. Если расправить все эти неровности, поверхность шляпки получится большой. Очевидно, для ранних грибов такая «конструкция» жизненно необходима: пока земля еще не отогрелась как следует, тепла и света солнечного можно заполучить сколько надо.

Сморчковые грибы оригинальны не только внешней формой и временем появления, но и по своему содержанию. Эти ядовитые грибы вполне... съедобны. Странно, но две такие противоположности умещаются на одной полке. Естественно, человеку хочется избежать первого и воспользоваться вторым. И сделать это несложно: грибы прокипятить в подсоленной воде в течение 7—10 минут и затем слить отвар. После чего мелко порезанные грибы можно жарить. Впрочем, это уже утилитарная сторона дела, проза. Поэзия весенней сказки — встреча с ней на лесной тропе.

Б. ТИМОФЕЕВ

Фото автора

«Весна идет».

Саша Луций
Сумская область

Георгины — одни из любимых цветов Владимира Ильича Ленина. В детстве Володя Ульянов заботливо ухаживал за цветочными клумбами под окнами дома в Симбирске. Любовь к цветам осталась с ним на всю жизнь.

Фотографию георгинов видите вы на 4-й странице нашей обложки. Выполнил ее В. Гуменюк.

Главный редактор А. А. Виноградов

Редколлегия: Васильева Л. В.. Дунин М. С., Корчагина В. А., Клумов С. К., Овчаров К. Е., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Шманкевич А. П., Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

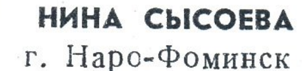
Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор З. А. Сутченко

Сдано в набор 3/II 1970 г. Подп. к печ. 4/III 1970 г. А00643. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд л. 4,9. Тираж 830 000 экз. Заказ 91. Цена 20 коп.

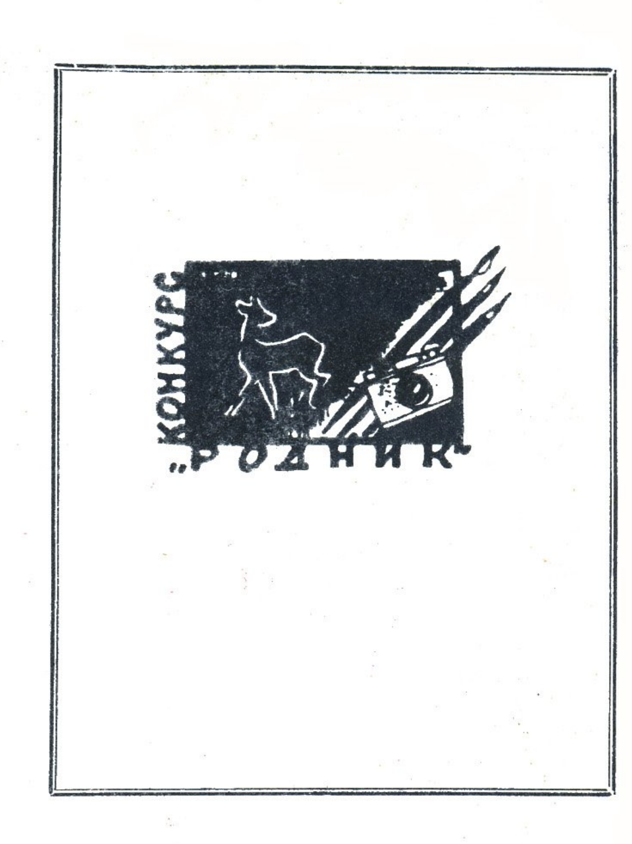
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

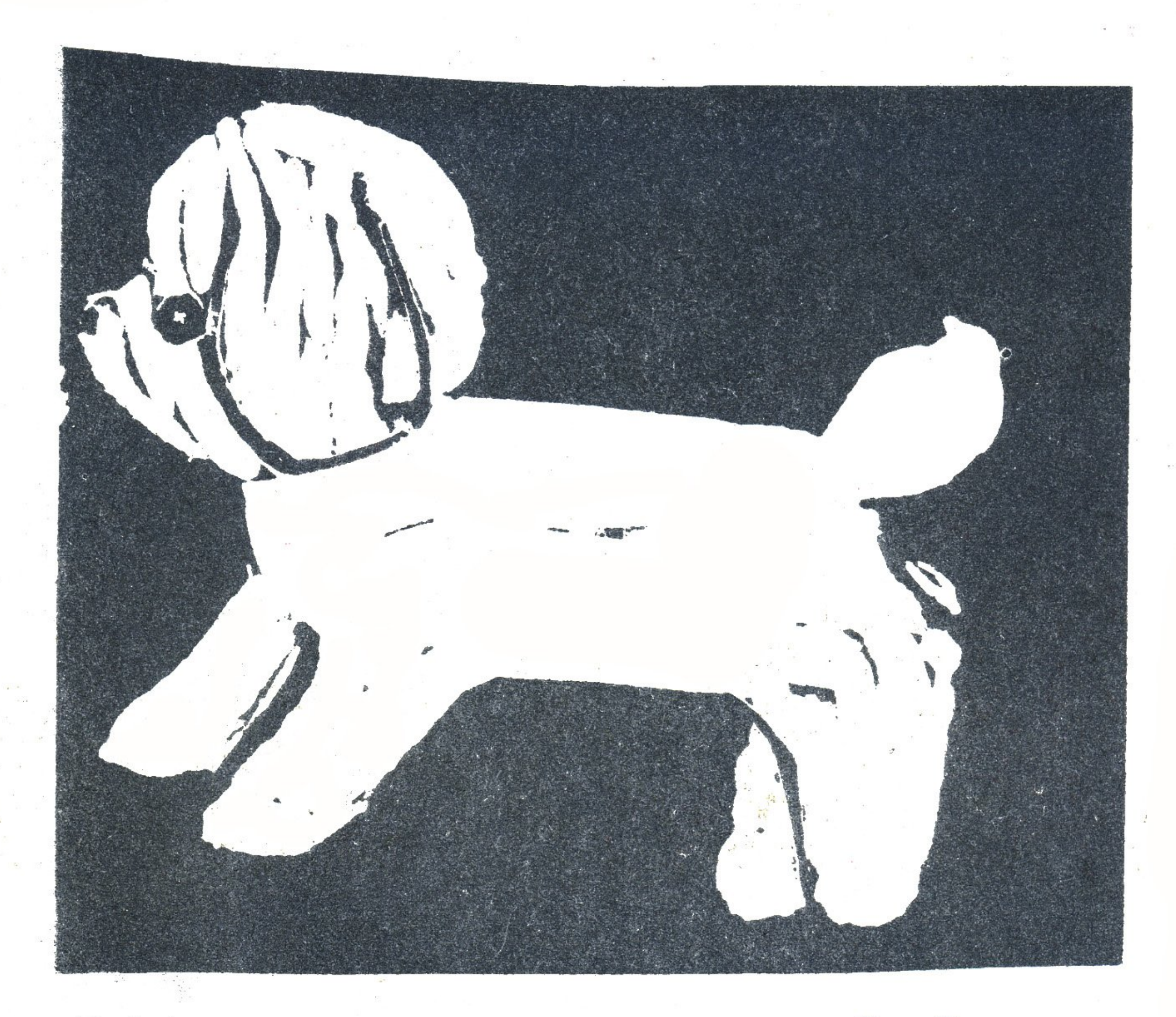
АПРЕЛЬСКОЕ

Я иду, апрель, к тебе с приветом
Меж берез, овеянных теплом.
Голубой капелью с темных веток
Падают сосульки в роще днем.
К вечеру на ветках в синей корке
Только льдинки-бусинки дрожат.
Блики дня на ледяном пригорке
Как осколки зеркала лежат.
И весна внезапно захотела
На себя в то зеркало взглянуть —
Птицам, на которых прилетела,
Приказала в рощу повернуть.

НИНА СЫСОЕВА
г. Наро-Фоминск

«Мой Арно».

Оля Писменная
г. Харьков

Индекс 71121 20 коп.